

Донецкий национальный университет

**Семантика и словообразование
в германских, романских и славянских языках**

**Материалы
Международного лингвистического семинара
16 – 17 ноября 2015 года**

Донецк 2015

УДК 801.55:807 + 801.561.1 : 807

ББК 81.2

С30

Семантика и словообразование в германских, романских и славянских языках : материалы Междунар. лингвистического семинара (Донецк, 16–17 ноября 2015 г.) / редкол. : Л. Н. Ягупова (отв. ред.) [и др.]. – Донецк : ДонНУ, 2015. – 126 с.

Печатается по решению Ученого совета Донецкого национального университета (протокол № 9 от 30.10.2015 г.)

В сборник вошли материалы Международного лингвистического семинара «Семантика и словообразование в германских, романских и славянских языках». В докладах участников рассматриваются актуальные проблемы типологического, сопоставительного, исторического языкознания, межкультурной коммуникации, переводоведения, терминоведения, когнитивной и функциональной лингвистики.

Для широкого круга специалистов, преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов филологических специальностей.

Адрес редколлегии:

Донецкий национальный университет,
Факультет иностранных языков,
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
тел.: +38 062-302 09 25
тел./факс: +38 062-302 09 22
e-mail: l.yagupova@donnu.ru

© Донецкий национальный университет, 2015

© Коллектив авторов, 2015

Содержание

Предисловие	7
<i>Басыров Ш.Р.</i>	
Причинно-следственные отношения в семантике устойчивых выражений немецкого языка	9
<i>Бекасова Е.Н.</i>	
К проблеме «симбиоза» русского литературного языка	11
<i>Беспамятная Л.В.</i>	
Семантические типы субстантивных терминов кораблестроения с адъективным зависимым компонентом в германских и славянских языках	15
<i>Валеева Л.В.</i>	
Семантическая категория «славянский миф» в современном русском языке: ономастический аспект	18
<i>Волкова Н.В.</i>	
Лингвистические и экстралингвистические факторы реализации словообразовательного потенциала имен существительных в британском и американском вариантах английского языка	21
<i>Волкова Т.Я.</i>	
Двухкомпонентные словосочетания и композиты в профессиональной лексике шведской журналистики	23
<i>Воробьева О.С.</i>	
Особенности перевода английских фразовых глаголов	27
<i>Гапотченко Н.Е.</i>	
Лингвокультурные аспекты франкофонии в условиях мирового социума	29
<i>Дроздов В.А., Дроздов А.В.</i>	
Словоформа <i>have gotten</i> в британском, американском и карибском вариантах английского языка	31
<i>Жуков Ю.Ю.</i>	
Значение и вербализация концепта <i>закон</i> в русской лингвокультуре ..	35

<i>Захарова Е.В.</i> Семантические трансформации вещественных имён существительных в русском языке	38
<i>Калиущенко В.Д.</i> Семантика производных от наименований понятия <i>отец</i> в немецком, русском и украинском языках	44
<i>Каменская И.Б., Овсянникова И.Ю.</i> Концептуальный анализ понятия <i>Property</i>	48
<i>Карасенко Е.А.</i> О семантике существительного <i>rihtære</i> в средневерхненемецком языке ..	51
<i>Кишко С.Н.</i> Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации категории модерации	54
<i>Косицкая А.Г.</i> Метафора и метонимия как способы номинации человека в сфере искусства	58
<i>Кухарь О.В.</i> Логические компоненты пресуппозиции и импликации в семантической структуре речевых актов	62
<i>Лысова Е.Б., Хренова Ю.В.</i> Отражение миграционного кризиса в лексике современного немецкого языка	65
<i>Нильсен Е.А.</i> Экономическая составляющая семантики темпоральной лексики в английском языке	67
<i>Осташова О.И.</i> Гендерный аспект конфигурации адресантно-адресатных отношений в оценочных высказываниях: на материале англоязычного художественного дискурса	71
<i>Петрищева Е.И.</i> Лексико-семантические группы терминов родства в английском и немецком языках	75

<i>Петров А.В.</i>	
Составные слова с универбом в русском языке	77
<i>Подгайская И.М.</i>	
Словообразовательные характеристики древнеанглийских глаголов со значением 'строить'	81
<i>Рахуба В.И.</i>	
Номинативный аспект отадъективной словообразовательной парадигмы в английском языке	83
<i>Синицына В.В.</i>	
Терминологические двухкомпонентные словосочетания сферы энергосбережения в английском языке	85
<i>Сысоева Е.С.</i>	
Семантическая специфика английских оценочных антропонимов сферы религии	89
<i>Титова Ю.В.</i>	
Лексические особенности терминообразования в области энергетики: на материале английского языка	91
<i>Ткаченко С.Г.</i>	
Структурно-семантические особенности английских номинативных фразем с градосемой <i>a lot</i>	95
<i>Туболева А.О.</i>	
Субституція компонентів фразеологічних одиниць як особливий різновид творчої модифікації у сучасній англійській мові	100
<i>Туленинова Л.В.</i>	
О роли ассоциативных связей в лексическом наполнении экстразоны концептов	103
<i>Усова Н.В.</i>	
Онимия в идиоматике немецкоязычных публицистических текстов: структурно-семантические взаимодействия	107
<i>Филатова Е.В.</i>	
Авторская делимитация речи	109

<i>Хохлова В.А.</i>	
Квазитопоним как компонент английской и украинской топонимической фразеологии	113
<i>Шарафутдинова Н.С.</i>	
О длине терминологических словосочетаний в авиационной терминологии английского, немецкого и русского языков	116
<i>Ягупова Л.Н.</i>	
О словообразовательной конкуренции: проблемы дефиниции и описания	120
Авторы	123

ПРЕДИСЛОВИЕ

16 – 17 ноября 2015 года на факультете иностранных языков Донецкого национального университета состоится Международный лингвистический семинар «Семантика и словообразование в германских, романских и славянских языках».

Целью форума, впервые проведенного в 2002 году под названием «Компаративистика и типология в современной лингвистической науке: достижения и проблемы», была и остается собрать ученых-единомышленников, которые исследуют вопросы типологического, сопоставительного и исторического языкознания, переводоведения и терминоведения, межкультурной коммуникации, изучают коммуникативно-прагматическую и когнитивную природу дискурса.

Международный лингвистический семинар – это не просто место встречи его участников, это точка пересечения разных концепций и разных научных школ, разных взглядов и разных научных парадигм, это школа для молодых ученых, это место, которое не разъединяет, а объединяет языковедов, которые стремятся дойти до сути и познать глубины лингвистического бытия.

Интерес к лингвистическому семинару свидетельствует о стремлении ученых всесторонне познать богатые источники лингвистических знаний и искать новые пути и методики в решении актуальных языковедческих проблем. Палитра представленных на форум докладов охватывает широкий спектр – от общих аспектов типологического, сопоставительного, исторического языкознания, когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации до частных языковедческих проблем.

Мы благодарим авторов докладов за сотрудничество и надеемся на интересные дискуссии в широком лингвистическом кругу.

Донецк, сентябрь 2015 года

Л. Н. Ягунова

Причинно-следственные отношения в семантике устойчивых выражений немецкого языка

Причинно-следственные отношения и причинность как конституент этой оппозиции в языке были и остаются предметом изучения как отечественных, так и зарубежных лингвистов (Боброва, 2006; Всеволодова, 1988; Недялков, 1969). Данный факт объясняется фундаментальной сущностью самой категории причинности для языкознания и для других дисциплин, неотделимостью причины и следствия в сознании носителя языка.

Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению причинно-следственных отношений в отечественном и зарубежном языкознании, эта область лингвистических исследований продолжает вызывать интерес учёных. И это неслучайно, так как она помогает вскрыть множество закономерностей функционирования языковой системы и её взаимосвязь с мыслительными процессами, проследить специфику концептуализации и категоризации мышлением окружающей действительности.

Категория причинности имеет широкий спектр репрезентантов на разных уровнях языка: лексическом (использование разных частей речи – существительных, прилагательных, глаголов, предлогов), синтаксическом (предложные словосочетания, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения).

В докладе прослеживается выражение причинно-следственных отношений во фразеологии и поговорках немецкого языка, в структуре которых встречаются номинативные компоненты *Wagen* ‘телега, воз, повозка’, *Karre(n)* ‘тачка, тележка, вагонетка’, *Pferd* ‘конь, лошадь’, *Esel* ‘осел’, *Gespann* ‘запряжка, упряжка (лошадей)’.

Пословицы и поговорки представляют собой весьма богатый и обширный материал для лингвистических исследований, так как они позволяют реконструировать не только значимое для языкового социума знание о мире, но и описать

способы образного видения этого знания, выявить национальное своеобразие мировосприятия.

Немецкие поговорки и фразеологизмы, выражающие связанное перемещение субъекта в пространстве, характеризуются наличием в своей структуре ключевого типа семантических отношений – причинно-следственных, которые реализуются в разнообразных видах. Процесс осмысления причинно-следственных связей между явлениями окружающего мира происходит в поговорках и фразеологизмах в направлении от конкретного чувственного восприятия идеи перемещения в пространстве (отдельное) через ее метафоризацию к более высокой степени обобщения (общее).

В поговорках и фразеологизмах преломляется в обобщенной форме определенный исторический опыт народа, заключающийся часто в том, что всякий объект, явление, событие имеют свою причину. Данные устойчивые выражения имплицитно содержат рекомендации и правила поведения человека. Поскольку следствия без причины не бывает, то надо искать эту причину, или действовать, учитывая существование причинно-следственной зависимости между некоторыми факторами, или предпринимать действия по устранению данной причины и т.д.

Литература

- Боброва Т. О.* Причинные конструкции в ярусной синтаксической модели (на материале русского и английского языков) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 «Теория языка» / Т. О. Боброва. – Ставрополь, 2006. – 208 с.
- Всеволодова М. В.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Т. А. Яценко. – М. : Русс. яз., 1988. – 207 с.
- Недялков В. П.* Типология каузативных конструкций / В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. – Л. : Наука, 1969. – С. 5–20.

К проблеме «симбиоза» русского литературного языка

Способность русского литературного языка к присвоению инославянских элементов отмечена многими исследователями как «сожительство», «культурные преемства и наследия», «радиация», «прививка» (Н. С. Трубецкой), «двумерность (a two-dimensional languages)» (Б. О. Унбегаун), «симбиоз, сращение, органическое слияние, смешение» (В. В. Виноградов), «амальгама» (Г. О. Винокур), «сплав» (Б. А. Успенский), «трансплантация, импортирование, инкрустирование» (В. В. Колесов, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский), и обусловила, по утверждению Н. С. Трубецкого, его исключительные преимущества не только среди славянских, но и других литературных языков.

Достаточно показательно в этом плане сплетение восточнославянских и южнославянских по происхождению элементов в едином словообразовательном гнезде в системе современного русского литературного языка.

Особо ярко это проявляется в группе «отдельных слов» (по терминологии А. А. Шахматова), где представлены результатом почти тысячелетней истории взаимодействия генетически неоднородных рефлексов **tj*, **dj*. В истории русского языка при равенстве значений или семантическом превосходстве исконного коррелята наблюдается более высокая словообразовательная активность корней с восточнославянским по происхождению рефлексом. Такого рода отношения характеризуют пары *надежда* – *надежа*, *нужда* – *нужа*, *одежда* – *одежа*, *воздь* – *вожь*, то есть около половины всех имевшихся в русском литературном языке соотносительных «отдельных слов».

В частности, пара *надежа* – *надежда*, судя по «Словарю русского языка XI–XVII вв.», являлась морфонологическими дублетами с полностью совпадающей семантической структурой, ср.:

‘надежда, упование’:

седѣ въ врьтъне моемъ и надежю имамъ къ богу (Патерик Синайский, 65, X–XII вв.) – *Вы же кую имате надежду, поведите ми* (Великие Минеи Четьи, Апрель 22–30, 917. XVI в.).

‘Тот, на кого надеются’:

Надежа и заступница вернымъ суци спаси насъ от страсти от всякихъ (Миня, сентябрь, 1096 г.) – Тъ *надежда* странамъ (Слово Ипполита об антихристе, 17. XII в. (СлРЯ XI–XVII вв.: в.10, 65).

Однако в производных от указанных дублетов наблюдаются расхождения в словообразовательной и семантической структуре, что демонстрирует высокий потенциал оппозиции *надеж-*, ср.: *надеждный* ‘надеющийся, уповающий, полагающийся на кого-л., что-л.’ – *надежный*:

1. Такой, который надеется, полагается на кого-л., что-л.
2. Такой, на которого можно положиться, надёжный, верный.
3. В знач. суц. надежная.
4. Крепкий, прочный, надёжный), *надежити, надежне, надежно*.

Исходя из данных «Словаря русского языка XVIII в.», можно утверждать, что в этот период производные типа *надеждно, надеждность, надеждный* не выдерживают конкуренции с дублетами *надежно, надёжность, надёжный* и выпадают из употребления. При этом наличие того или иного по происхождению альтернанта вовсе не обязательно для стилистической дифференциации дублетов, что, например, наблюдается в паре *ненадежно – ненадежне* (кн.-слав.; слово, выпавшее из употребления).

В этот период постепенно закрепляется стилистическое расподобление пары *надёжа* (фольк.) – *надежда*, ср.:

Надежа. Фольк. То же, что надежда. Государь. Уважительное название в народе русского царя.

Надежда. 1. Вера в возможность осуществления чего-л. желаемого, ожидаемого. 2. Одна из трёх добродетелей богословских. Кормить надеждой. Луч надежды. Якорь надежды (СРЯ XVIII в., в. 13: 168).

В других однокоренных образованиях прослеживается исключительно восточнославянский по происхождению альтернант – *обнадежный, обнадежность*, чему, на наш взгляд, способствовали глаголы *обнадежить, обнадеживать* и отглагольные существительные только в исконном оформлении *обнадеживание, обнадежание, обнадежение* (СРЯ XVIII в., в. 14: 229).

В целом необходимо отметить, что системные глагольные образования с восточнославянским по происхождению рефлексом **dj* сближаются с наличием полногласия в гетерогенных словообразовательных гнездах (ср.: соответственно 67,01 % и 66,72 %). Однако в группе «отдельных слов» уровень образований с альтернантом *ж< *dj* повышается до 93,02 %.

Установившееся соотношение генетически неоднородных рефлексов **dj* практически сохраняется и в современном русском литературном языке: гетерогенное словообразовательное гнездо содержит 32 производных с альтернантом /ж/ и лишь одно слово с рефлексом южнославянского происхождения *надежда* (ССРЯ т. I: 144, № 84). Иными словами, в современном русском языке в словообразовательном гнезде с исходным словом *надеяться* при нейтральном варианте *надежда* и стилистически ограниченном *надежа* (обл., народ.-поэт.) словообразование происходит только на базе исконно оформленного корня, например: *небезнадёжный, малонадёжный, обнадёживание, обнадёживать*.

Таким образом, слово с южнославянским по происхождению альтернантом оказывается в изоляции словопроизводства и семантики при сохранении исходной, хотя и отчасти ограниченной, многозначности исконного оппозиита.

Такое положение ставит под сомнение устойчивые, но бездоказательные утверждения о старославянской основе русского литературного языка. В частности, в рецензии к статье о генезисе русского литературного языка анонимных рецензентов из Новосибирского государственного университета по-псаковски утверждалось: «Все́м известно, что русский язык (*так!* – Е. Б.) по происхождению старославянский». В этой фразе и непонимание специфики старославянского языка как древнейшего литературно-письменного языка славян – языка классического, ограниченного определённым реестром конфессиональных текстов, и бесцеремонное уничтожение функциональной парадигмы языка (диалектов, койне, просторечия). В ней – незнание того, что вопрос о роли южнославянских (старославянских, церковнославянских) по происхождению элементов в развитии и современном состоянии русского литературного языка, поставленный в своё время ещё М. В. Ломоносовым в его знаменитой теории трёх стилей применительно к языку XVIII в., вызывал повышенный интерес и

горячие споры учёных XIX и особенно XX веков. Причём, если в высказываниях отдельных исследователей спор приобретал некоторую политическую окраску, то для большинства лингвистов проблема имела собственно лингвистический характер и была весьма существенна для выявления специфики русского литературного языка и законов его развития. Практически весь цвет русистики считал своим долгом высказаться по поводу существования и взаимодействия в истории русского литературного языка генетически соотносительных пар этимологически родственных слов. И в большинстве случаев исследователи понимали, что односторонне решить данный вопрос невозможно, поскольку язык, описываемый в категориях, не терпит категоричности, а тем более невежества и идеологических подтасовок.

Литература

- СлРЯ XI–XVII вв.*: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975–2006. – Вып. 1–27 (издание продолжается).
- СлРЯ XVIII в.*: – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–1991. – Вып. 1–6; СПб. : Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–2013. – Вып. 7–20 (издание продолжается).
- ССРЯ*: Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. –М. : Русский язык, 1985. – Т. 1–2.

Семантические типы субстантивных терминов кораблестроения с адъективным зависимым компонентом в германских и славянских языках

Начиная с 70 гг. XX столетия, особое внимание лингвистов приковано к исследованию семантических особенностей терминологической лексики.

Изучение семантики субстантивных терминов кораблестроения (СТК) связано с выявлением семантико-синтаксических связей между его компонентами. Их семантическая классификация предполагает определение семантических ролей, в которых выступают непосредственно составляющие компоненты (стержневой В и зависимый А) в структуре СТК с целью построения формулы толкования (ФТ).

Материалом настоящего исследования служат 600 двухкомпонентных СТК-композиций и словосочетаний с адъективным зависимым компонентом в германских (английский и немецкий) и славянских (русский и украинский) языках, отобранные путем сплошной выборки из специальных словарей, интернет-источников и журналов: 240 терминов английского языка, 66 – немецкого, 128 – русского, 166 – украинского.

Среди сложных слов с адъективным зависимым компонентом выделяются сочетания с «нулевой взаимосвязью», т.е. сложные слова и словосочетания без подчинительной связи (Ortner 1991: 669), напр.: *Gesamtbreite* ‘суммарная ширина’; англ. *bare hull* ‘голый корпус’; рус. *масса удельная*; укр. *конструкція ідеалізована*. Типичной парафразой для лексических единиц данного типа служат эквивалентные синтагмы с адъективным прилагательным и субстантивным ядром, т.е. ‘А является приблизительно/видимо/прежде всего/ ничто иное как В’ (Там же: 693).

В ходе исследования выявлены, в частности, СТК, относящиеся к типу «чисто-модификативных» образований (Nur-Modifikativ), в которых адъективный компонент используется в качестве модификатора и ограничителя (Там же: 698). Иными словами, зависимый компонент А выполняет исключительную роль. Отличительной чертой данных конструкций является тот факт,

что в качестве парафразы используется синтагма с адъективным определением и существительным, выступающим в роли ядра парафразы, напр.: нем. *Gesamtverdrängung* ‘полное водоизмещение’ → *gesamte Verdrängung*, в то время как для других семантических типов типичной является парафраза с придаточным определительным.

Этот тип СТК-композиций и словосочетаний является малопродуктивным во всех рассматриваемых языках (нем. – 40, англ. – 36, рус.–13, укр. – 32 единицы). Следует отметить, что в славянских языках и в английском «чисто-модификативные» СТК представлены лишь моделями атрибутивного словосочетания, а в немецкой терминологии – как композитами (24 ед.), так и словосочетаниями (16 ед.), напр.:

нем. *Gesamtbreite* ‘суммарная ширина’ → *gesamte* (A) *Breite* (B); *doppelte* (A) *Außenhaut* (B) ‘двойная наружная обшивка’; *einfache* (A) *Bordwand* (B) ‘одинарный борт’; *volles* (A) *Schiff* (B) ‘судно с полными обводами’;

рус. *масса* (B) *удельная* (A); *строительство* (B) *капитальное* (A); *генеральный* (A) *план* (B) (13 ед.);

укр. *конструкція* (B) *ідеалізована* (A); *швидкість* (B) *відносна* (A); *валова* (A) *місткість* (B) (32 ед.);

англ. *watertight* (A) *door* (B) ‘водонепроницаемая дверь’; *bare* (A) *hull* (B) ‘голый корпус’; *blunt* (A) *form* (B) ‘тупые [плохообтекаемые] обводы корпуса’ (36 ед.).

Л. Ортнер (Ortner 1991: 701) указывает на то, что зависимый компонент А в «чисто-модификативных» композитах и словосочетаниях выступает в качестве «слов-ориентиров» (*Orientierungswörter*). Слово-ориентир выступает в этом случае в качестве некоего внутреннего категориального признака объекта, выраженного компонентом В. Иными словами, имя прилагательное выделяет предмет или величину из класса предметов, связь с которым можно фиксировать как раз при помощи определяющего конституента.

К «чисто модификативному» типу семантически примыкает *аскриптивный* тип, к которому относятся образования с «прямой связью» (*mit direkter Relation*) (Там же: 718). Характерной особенностью рассматриваемого типа СТК является то, что их детерминатив (А) выполняет функцию качества предмета или явления, обозначаемого главным компонентом (В). Существенным отличием аскриптивного типа от рассмотренного выше типа с

«нулевой связью» является наличие в базовых парафразах предикатива с копулятивной связью. Семантические отношения между компонентами аскриптивных СТК можно представить в виде схемы «Признак (А) – носитель признака (В)», напр.:

рус. *котел главный* → *котел* (В), который является *главным* (А);
аналогично: *грузоподъемность* (В) *чистая* (А); *переборка* (В)
легкая (А); *судно* (В) *новое* (А) (115 ед.);

укр. *устаткування стандартне* → *устакування* (В), яке є
стандартним (А); аналогічно: *ватерлінія* (В) *вишукла* (А); *конструкція*
(В) *полегшена* (А); *потужність* (В) *корисна* (А) (134 ед.);

нем. *Glatdeck* ‘гладкая [сплошная] палуба (без вырезков)’ → *Deck*
(В), *das glatt* (А) *ist/glattes Deck*; *Kurzbalken* ‘полубимс’ → *Balken*
(В), *der kurz* (А) *ist*; *Rundhaus* ‘рубка’ → *Haus* (В), *das rund* (А) *ist*
(22 ед.);

англ. *flush deck* ‘гладкая палуба (без полубака и полуюта)’ → *a deck*
(В), *which is flush* (А), *main engine* ‘главный двигатель;
главные механизмы’ → *an engine* (В), *which is main* (А), *fast freighter*
‘быстроходное грузовое судно’ → *a freighter* (В), *which is fast* (А) / *a freighter*
(В), *which moves fast* (А) (204 ед.).

На фоне слабо развитого типа СТК с «нулевой связью», аскриптивный тип в славянских языках (рус. – 115; укр. – 134) и в английском (204 ед.) является продуктивным, что обусловлено наличием в терминосистемах кораблестроения данных языков большого количества терминов с адъективным детерминативом, образованных по модели атрибутивного словосочетания. Напротив, немецкая терминология кораблестроения представлена незначительным количеством аскриптивных СТК (22 ед.), уступающих заметно, по своей продуктивности, СТК с «нулевой связью» (40 ед.).

Литература

Ortner L. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen 1) / Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache; eine Bestandsaufnahme des Instituts für Deutsche Sprache, Forschungsstelle Innsbruck. Vierter Hauptteil / Lorelies Ortner, Elgin Müller-Bollhagen. – Berlin; New York: de Gruyter, 1991. – 863 S. (Sprache der Gegenwart; LXXIX).

Семантическая категория «славянский миф»
в современном русском языке:
ономастический аспект

Термин «категория» был введен Аристотелем и обладает сложной картой движения. Описанные Аристотелем категории качества, количества, отношения, места, времени, состояния, действия и т. д. стали отправными точками для структуризации знания и описания механизма человеческого мышления. Категории, по Аристотелю, – это не только модель мироздания, но и стимулы развития бытия. Их функциональная природа выявляется, прежде всего, в языке. Их различение в высказывании связано как с сущностью вещи, так и с самими носителями языка (Аристотель, 2006). В более поздних философских учениях категории утратили связь с языком и рассматривались как замкнутые структуры, подчиненные определенной области бытия и научного знания. На протяжении всего развития гуманитарной мысли категории признаются узловыми пунктами познания.

Понятие «семантическая категория» продолжает традицию категорий Аристотеля и демонстрирует исключительную роль языка. В современной науке важнейшей предпосылкой успешного функционирования языка является освоение и систематизация вербальных коррелятов внеязыковой природы, выделение в их массиве фундаментальных, универсальных семантических кластеров.

Стратификация семантических категорий учитывает многоступенчатость распределения языковых номинаций: по степени абстрактности, по структуре, по объему содержания, по характеру связи с другими категориями и под. Семантическая категория «мифология» относится к ментальной интеллектуальной сфере внутреннего мира человека. Рубрикация по культурно-этническому признаку выделяет особую категориальную группу, которую нередко определяют как субкатегория, «славянская мифология». Смысловой доминантой категории является *миф*.

Определение мифа сложно именно потому, что миф не осознается как миф, пока он им является. Классическое

тождественное объяснение мифа – синоним к слову *вымысел*. В XX веке популярность мифа привела к множеству расплывчатых определений. Мы же примем в своей работе точку зрения, согласно которой миф – это не только первобытное, инфантильное мышление, но способ познания мира, форма мышления, к которой прибегает человеческий разум при решении вопросов, недоступных постижению логикой (Голосовкер 2010: 389).

В языковом сознании миф проявляет себя через мифонимы – «имя любой сферы ономастического пространства в мифах, эпopeях, сказках, былинах» (А. В. Суперанская, Н. В. Подольская). Имена ономастического пространства больше, чем имена нарицательные, зависят от экстралингвистических факторов, регулируются социальными и историческими закономерностями. Имена собственные всегда являлись носителями особой информации, выразителями национальной традиции, сакрального смысла. По мнению Н. И. Толстого, имя собственное имеет две основные функции – социальную, служащую для идентификации его носителя среди окружающих, и мифологическую, регулирующую отношения человека с природой, космосом и сверхъестественным миром (Толстой, 1998).

В современной лингвистике существуют несколько систем онимов славянского мифа. Одна система соответствует ономастической терминологии – мифоантропонимы (*Василиса Прекрасная, Иван-дурак*), мифоперсонимы (*Месяц, Горыныч, Кощей*), мифотопонимы (*Буян-остров, Смородина-река*), мифозоонимы (*Царевна-Лягушка, Малахитница*), мифофитоним (*трава Нечуй-Ветер*). Следующая система учитывает лингвокультурологический статус собственных имен: имена существительных низшего уровня славянской мифологии (сказочные персонажи и нечистая сила: *Чудо Морское, Царь-Горох*) и высшего уровня (божества *Дажьбог (Даждьбог), Белбог (Белобог), Живана, Злебог, Мара, Переруг, Рарог, Род, Стрибог*). Классификация мифонимов учитывает узуальное или окказиональное происхождение мифонимов. Последние созданы писательским воображением и бытуют только в его произведениях.

Мифонимы играют значительную роль в современном дискурсе и современной публицистике. Это обусловлено

литературной традицией и огромным интересом к мифу как к сокровищнице национальной культуры. Структуризация современной экстралингвистической информации выявляет прагматически активные и прагматически инертные имена. В первую группу относятся имена, во-первых, послужившие основой для формирования прагматонимов (*Велес, Коляда, Сварог, Яровит, Садко* и др.: *Зато удачей стал ресторан «Садко» в Санкт-Петербурге, специализирующийся на русской кухне* или *Пришлось возвращать парня в чувство – продемонстрировать документы кинокомпании «Сварог»*), во-вторых, легших в основу прецедентных имен (*Илья Муромец, Баба Яга, Боян, Вий, Елена Прекрасная, Змей Горыныч* и др.: *Отправляюсь в штаб Сергея Баганша на улице Гоголя – узнать, что за Вий там обитает* или *Но, как ни странно, его карьера стала складываться позже. Он такой Илья Муромец*).

Таким образом, семантическая категоризация номинаций славянской мифологии помогает зафиксировать и проследить все этапы и формы языковой реализации культурных кодов славянских народностей.

Литература

- Аристотель. Метафизика / Аристотель. Пер. с греч. П. Д. Перлова и В. В. Розанова. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с*
- Голосовкер Я. Логика мифа. Избранное / Я. Голосовкер. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 496 с.*
- Толстой Н. И. Имя в контексте народной культуры / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Междунар. съезду славистов [Электронный ресурс]. – М., 1998. – С. 88–125. – Режим доступа : <http://books.e-heritage.ru/book/10082528>*

Лингвистические и экстралингвистические факторы
реализации словообразовательного потенциала имен
существительных в британском и американском
вариантах английского языка

Сопоставительное исследование британского и американского вариантов английского языка обнаруживает в последнее время результаты их взаимовлияния. Особенности каждой системы прослеживаются на уровне фонетики, орфографии, грамматических и лексических подсистем. Особый интерес представляют американские лексемы, которые, являясь синонимами британских единиц, начинают проникать и постепенно адаптироваться в британском английском. Ассимиляция данных слов неразрывно связана с их словообразовательным потенциалом, т. е. актуальным становится выявление причин, которые оказывают влияние на реализацию словообразовательных возможностей синонимичных британских и американских слов.

Путем сплошной выборки из словаря «Longman Dictionary of Contemporary English» для данного исследования было отобрано 498 пар субстантивов, в которых одно слово представляет британский вариант, а другое – его эквивалент в американском варианте английского языка.

Результаты проведенного анализа показывают, что самую многочисленную группу (72,89 %) составляют 363 пары существительных, не имеющих, согласно словарю, производных; в 13,65 % случаев (68 пар) зафиксировано больше производных у существительного из британского варианта, в 12,05 % случаев (60 пар) – у его американского эквивалента. Лишь в 1,41 % случаев (7 пар) оба существительных обнаруживают одинаковую продуктивность.

Первостепенными причинами, благоприятствующими большей реализации словообразовательного потенциала британских существительных по сравнению с их американскими эквивалентами являются, во-первых, более высокая частотность употребления британских единиц (19,64 %), во-вторых, большее

количество значений у этих субстантивов (17,85 %), а также комбинированное влияние данных факторов (16,07 %).

Главными факторами, способствующими большей реализации словообразовательного потенциала американских английских существительных по сравнению с их британскими эквивалентами является комбинированное влияние большего количества значений и более высокая частотность употребления американской единицы (33,33 %), а также отдельное влияние большего количества значений данных лексем (28,57 %).

Что касается причин, которые сдерживают реализацию словообразовательного потенциала британских существительных и их эквивалентов в американском варианте английского языка, то наблюдаем следующие тенденции: во-первых, существует взаимосвязь между отсутствием производных слов у исследуемых субстантивов и их незначительной частотностью употребления: 96,42 % пар составляют существительные, которые не входят в первую, вторую или третью тысячи слов, наиболее часто употребляемых в устной или письменной речи; во-вторых, обнаружено, что значения 94,49 % пар исследуемых существительных стилистически немаркированы; в-третьих, ограничение реализации словообразовательных возможностей таких субстантивов зависит от их моносемантичности: 77,96 % пар существительных имеют только одно значение; в-четвертых, очевидным является влияние словообразовательного фактора: 69,97 % пар данных существительных характеризуются сложной или сложнопроизводной структурой основы.

Литература

Longman Dictionary of Contemporary English / dir. D. Summers. – Oxford : Pearson Education Ltd., 2006. – 1951 p.

Двухкомпонентные словосочетания и композиты в профессиональной лексике шведской журналистики

Преимущества словосочетаний по сравнению с производными словами отмечаются рядом исследователей (Даниленко, 1977 и др.). Утверждается, что синтаксический способ терминообразования более продуктивен, чем морфологический, что объясняется повышенной способностью терминологических словосочетаний выразить различные значения через широкие возможности их комбинаторики.

Однако, в профессиональной лексике шведской журналистики наблюдается противоположная тенденция: общее количество словосочетаний (СС) в ней (121 ед.) значительно уступает числу слов (1104 ед.) и составляет лишь 11 % этой лексики, что может объясняться тесной связью профессиональной журналистской лексики с общелитературным шведским языком, в котором ведущим способом деривации является морфологическое словообразование (Маслова-Лашанская 1973).

Двухкомпонентные словосочетания являются ведущим структурным типом многокомпонентных лексических единиц в подязыке шведской журналистики, составляя 86,8 % общего количества СС, при этом СС, образованные по модели «существительное + существительное», составляют всего 12,9 % этой лексики. Интересно, что в данной модели опорные существительные могут употребляться во множественном числе (5 случаев):

antal färger ‘количество цветов’; *antal spalter* ‘количество колонок’; *destiller inställningar* ‘настройки дистиллятора’.

В одном случае существительное, выполняющее функцию определения опорного существительного, стоит в родительном падеже: *handels rabatt* ‘торговая скидка’. Дважды в качестве определения отмечено субстантивированное наречие: *netto upplaga* ‘оплаченный тираж-нетто’; *netto räckvidd* ‘диапазон расценок без скидок’.

Значительно большую часть профессиональной лексики шведской журналистики составляют сложные и сложнопроизводные слова (630 ед. – 57,1 %). Композиты, как правило, содержат два элемента, один из которых (обычно второй) является уточняемым, а другой (обычно первый) – уточняющим компонентом, напр:

klipparkiv ‘архив газетных вырезок’; *tryckfrihet* ‘свобода печати’; *tidsaktuell* ‘актуальный’; *tidningssättare* ‘газетный наборщик’; *skämtteckning* ‘рисунок’.

Основы сложных слов могут соединяться без использования соединительных морфем, напр.:

klipp ‘газетная вырезка’ + *arkiv* ‘архив’; *tryck* ‘печать’ + *frihet* ‘свобода’.

С другой стороны, основы могут объединяться в одно слово при помощи соединительных элементов, среди которых наиболее употребительной является соединительная морфема *-s-*:

tid ‘время’ + *s* + *aktuell* ‘актуальный’; *tidning* ‘газета’ + *s* + *sättare* ‘наборщик’.

Другими примерами указанного типа являются *yrkesetik* ‘профессиональная этика’; *världsbild* ‘мировосприятие’; *utgivningsdag* ‘дата публикации’ и т.д.

С точки зрения передаваемых ими значений сложные слова в материале исследования образуют два больших класса:

а) нецельнозначные сложные слова, значения которых представляют собой сумму значений их компонентов, напр.:

färgtryck ‘цветная печать’ – от *färg* ‘цвет, краска’ + *tryck* ‘печать’; *debattsida* ‘страничка полемики (в газете)’ – от *debatt* ‘полемика’ + *sida* ‘страница’; *specialnummer* ‘специальный выпуск’ – от *special* ‘особый, специальный’ + *nummer* ‘номер, выпуск’; *ögonvittne* ‘очевидец’ – от *ögon* ‘глаза’ и *vittne* ‘свидетель’ и др. и

б) цельнозначные сложные слова, значения которых не сводимы к сумме значений составляющих их компонентов, напр.:

altarskåp ‘калитка (журнальный лист двойного формата, имеющий фальц со стороны передка блока’, в котором *altar* означает ‘алтарь’ и *skåp* ‘шкаф’); *blåkopia* ‘план, проект, замысел’ – от *blå* ‘синий’ и *kopia* ‘копия, оттиск’; *tidskrift* ‘журнал, периодическое издание’, состоящее из компонентов *tid* ‘время’ и *skrift* ‘письмо, письменность, публикация’ и др.

Интересно отметить, что сложные и сложнопроизводные слова, составляющие материал исследования, преимущественно представляют собой нецельнозначные композиты (616 ед. – 97,8 %); при этом цельнозначные сложные слова представлены всего 14 лексемами (2,2 %).

Нецельнозначные композиты по своему значению принципиально не отличаются от СС, выполняя с ними одну и ту же функцию номинации понятий в сфере журналистики с выделением их разграничительных признаков.

Композиты в материале исследования примерно поровну подразделяются на сложные слова, содержащие только корневые морфемы (320 ед.), напр.: *framsida* ‘первая страница в газете’ (*fram* ‘вперед’ + *sida* ‘страница’); *typsnitt* ‘гарнитура шрифта’ (*typ* ‘литера’ + *snitt* ‘фасон’), и сложнопроизводные слова, состоящие из корневых морфем и одного или нескольких аффиксов (310 ед.). Например, слово *annonsköpare* ‘покупатель рекламного места’ состоит из двух корневых морфем (*annons* + *köp*) и суффикса существительных *-are*; лексема *limhäftning* ‘клеевое сшивание, брошюрование’ содержит корневую морфему *lim* ‘клей’, корневую морфему глагола *häft(a)* ‘скреплять, брошюровать’ и суффикс отглагольного существительного *-(n)ing*.

Наиболее частотными компонентами композитов являются основы со значениями ‘газета’, ‘пресса’, ‘страница’, ‘печать’, ‘объявление’ – ключевыми понятиями в области журналистики, напр.:

tidning- ‘газета’ – 39 случаев употребления (*tidningsledare* ‘шеф-редактор газеты’, *tidningsombrytare* ‘верстальщик газеты’); *press-* ‘пресса, печать’ (21) (*presshistoria* ‘история печати’; *presskommentar* ‘комментарии печати’; *presskort* ‘корреспондентское удостоверение’); *sid-* (от *sida* ‘страница’) – 16 лексем (*sidskiss* ‘макет страницы’; *sidmontage* ‘фотомонтаж’); *tryck-* ‘печать’ – 16 существительных (*tryckyta* ‘площадь печатного текста’; *trycksak* ‘печатное издание’); *annons-* ‘объявление’ (13) (*annonsspalt* ‘колонка рекламных объявлений’; *annonsskiss* ‘рекламный проект’); *reklam-* ‘реклама’ (12) (*reklambyrå* ‘рекламное агентство’; *reklameffekt* ‘воздействие рекламы’); *spalt-* ‘колонка’ (12) (*spaltlängd* ‘длина колонки’; *spaltbredd* ‘ширина колонки’); *nyhet-* ‘новость’ (10) (*nyhetsrapportering* ‘репортажи о текущих событиях’; *nyhetstjänst* ‘служба новостей’); *rubrik* ‘рубрика, заголовок’ (7) (*rubrikstil* ‘выделительный шрифт’; *rubriksättning* ‘набор заголовков’).

Менее частотны следующие компоненты композитов:

-format ‘формат’; *-bild-* ‘иллюстрация; изображение’; *-färg-* ‘цвет, краска’ (по 5 случаев употребления), напр.: *filformat* ‘формат файла’; *bildoriginal* ‘изобразительный оригинал’; *färgkontrast* ‘цветовой контраст’; *-intervju-* ‘интервью’; *korrektur-* ‘корректур’; *lös-* ‘свободный, незакрепленный’; *-typ-* ‘литера’ (по 4 лексем), напр.: *intervjuobjekt* ‘лицо, дающее интервью’; *korrekturtecken* ‘корректурный знак’; *lösnummer* ‘отдельный номер’; *typsnitt* ‘гарнитура шрифта’; *affisch-* ‘афиша, реклама’; *ark-* ‘лист (бумаги)’; *foto-* ‘фото’; *kontakt-* ‘контакт’; *omslag-* ‘обложка’; *telegram-* ‘телеграмма’; *typ-* ‘литера’; *yrke-* ‘профессия’ (по 3 композита), напр.: *affischplats* ‘место для рекламы’; *arkoffset* ‘листовой офсет’; *fotostatkopia* ‘фотостатная копия’; *omslagstitel* ‘шмуцтител’; *telegrambyrå* ‘телеграфное агентство’; *typsnitt* ‘гарнитура шрифта’.

Итак, в профессиональной лексике шведской журналистики наиболее продуктивными структурными типами являются цельнооформленные и нецельнооформленные двухкомпонентные лексические единицы, т. е. композиты и словосочетания, структура которых позволяет обозначать отличительные признаки профессиональных понятий. Преобладание нецельнозначных композитов (97,8 % сложных и сложнопроизводных слов в материале исследования) объясняется необходимостью отражения различных характеристик реалий в профессиональной сфере деятельности журналистов. Синтаксический способ деривации имеет ограниченную продуктивность в изучаемой лексике, что объясняется ведущей ролью морфологического словообразования в общелитературном шведском языке и его подсистеме – профессиональной лексике шведской журналистики.

Литература

- Даниленко В. П. Русская терминология / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
- Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка: Учебное пособие. / С. С. Маслова-Лашанская. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. – 208 с.

Особенности перевода английских фразовых глаголов

1. Проблема перевода английских фразовых глаголов на русский язык тесно связана с деривационной природой данных словесных комплексов, которые представляют собой сочетания моноксемных глаголов и постпозитивных компонентов (далее ПК) предложно-наречной природы и являются отличительной чертой глагольной таксономии английского языка (Зильберман, 1958; Костенко, 1984).

Английские фразовые глаголы образуют безэквивалентную переводческую категорию, при этом фразовые глаголы движения являются наиболее показательными для установления корреляции между деривационными и семантическими особенностями этих словообразовательных единиц и способов их перевода.

2. Проведенное исследование позволяет говорить о двух основных способах перевода фразовых глаголов:

- морфологический – перевод с помощью моноксемного, обычно префиксного, глагола, напр.: *to stand up* ‘вставать’ ← *to stand* ‘стоять’; *to creep down* ‘сползть’ ← *to creep* ‘ползти’;
- синтаксический – перевод с помощью словосочетаний, которые, в свою очередь, функционируют в рамках структурной модели «глагол + наречие», и в которых наречия имеют пространственные значения, напр.: *to march on* ‘пойти, поехать вперед’ ← *to march* ‘идти, ехать’; *to turn back* ‘поворачивать назад’ ← *to turn* ‘поворачивать’.

3. Установлено, что переводческими эквивалентами английских постпозитивных компонентов в пределах морфологического способа перевода являются такие префиксы русского языка:

под-, *с-* для ПК-*up*; *с-*, *со-* для ПК-*down*; *в-*, *во-* для ПК-*in*; *вы-* для ПК-*out*; *от-*, *ото-* для ПК-*off* и ПК-*away*; *пере-* для ПК-*over* и т. д. (см. также 2.).

4. Следует отметить, что в рамках синтаксического способа перевода эквивалентами постпозитивного компонента являются наречия с пространственными значениями:

ПК-*on* – ‘вперед’; ПК-*back* – ‘назад’; ПК-*up* – ‘вверх’; ПК-*down* – ‘вниз’ и т.д. (см. также 2.).

Литература

- Костенко Ю. И.* Валентные связи английских глаголов движения, функционирующих в комплексе с постпозитивами : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. И. Костенко. – М., 1984. – 15 с.
- Зильберман Л. И.* Семантика наречной частицы *up* в составе глагольных образований типа *to stand up* / Л. И. Зильберман // Романо-германская филология. – М. : Изд-во АН СССР, 1958 – Вып.2. – С. 110–131.

Лингвокультурные аспекты франкофонии в условиях мирового социума

Французский язык был и остается одним из рычагов существования и развития мирового социума, который для решения ежедневных вопросов своего функционирования обращается к французскому языку как средству адекватного кодирования информации и способу восприятия действительности всеми франкофонами.

Различные компоненты франкофонии были предметом внимания многих исследователей (Ж. Дюран, Ж.-М. Леже, С. Фаранджи и др.). Актуальным для исследователей остается вопрос лингвокультурологической идентификации франкофонии как одного из базовых понятий мировых франкоязычных или частично франкоязычных национальных культур.

Во франкоязычных сообщениях актуализируются в процессе межкультурного общения прежде всего ядерные лингвокультуремы, которые являются показательными и характерными для национальных культур стран франкоязычного сообщества. В то же время, каждый франкофон строит свое речевое поведение, учитывая привитые ему культурные ценности, а, следовательно, индивидуальный культурный код.

С одной стороны, франкофония является эффективным средством глобализации национального социума, вовлечения национальных культур в общемировое культурное пространство. С другой стороны, французский язык позиционируется отдельными национальными культурными картинами мира как факультативный или имагологичный компонент, что объясняется т. н. политикой лингвистического империализма. Арабский язык остается для каждого франкоязычного мусульманина безусловной и главной составляющей культурного кода, поскольку несет основной посыл Корана и исламской культуры. Однако, вполне очевидным является тот факт, что после 1960 г. французский язык сознательно и последовательно сохраняется на территории бывших колоний Франции и Бельгии, организация системы образования экс-колоний является частично ориентированной на франкоязычные европейские системы с учетом местных реалий. Таким образом, в Мавритании подобные стратегии привели к

возникновению двух систем образования – франкоязычной (преимущественно для детей африканского происхождения) и арабской (для детей с арабо-берберскими корнями). Уже сегодня можно утверждать, что формируются два мавританских смежных культурных кода, но арабский код на сегодняшний день является для местных родителей более популярным по сравнению с французским.

Молодые люди, которые приезжают во франкоязычные страны Европы учиться или работать, иногда с трудом ассимилируют местный культурный код и, следовательно, оказываются психологически не готовыми к восприятию отдельных составляющих европейского культурного пространства. В таком случае, молодежь ищет альтернативные пути адаптации – например, начинает общаться на верлане. Кроме того, по разным причинам, выбирая между франкоязычной и англоязычной культурами, многие молодые люди обращаются к последней. Поэтому толерантность относительно потенциальных и частичных франкофонов, демократическая политика популяризации французского языка различными организациями, в т. ч. Международной организацией франкофонии, реализация широкого круга образовательных программ имеют перспективы для дальнейшего распространения французского языка как средства межъязыковой коммуникации.

Итак, в условиях мирового социума лингвокультурный код французского языка является эффективным инструментом актуализации информации, заложенной в межкультурных сообщениях. Из ряда лингвокультурем, присущих отдельной франкоязычной или частично франкоязычной национальной культуре, адресанты отбирают такие, которые соответствуют их культурному коду и способствуют максимальной самоидентификации.

Литература

- Guerre larvée contre le français en Mauritanie* [Электронный ресурс]. – Mode d'accès : <http://kassataya.com/societe/17062-guerre-larvee-contre-le-francais-en-mauritanie>
- Sommet de la francophonie: un machin qui sert plus la cause des dictateurs que celle des peuples* [Электронный ресурс]. – Mode d'accès : <http://kassataya.com/monde/15562-sommet-de-la-francophonie-un-machin-qui-sert-plus-la-cause-des-dictateurs-que-celle-des-peuples>

Дроздов Владимир Александрович,
Дроздов Алексей Владимирович
Донецкий национальный университет

Словоформа *have gotten* в британском, американском и карибском вариантах английского языка

В докладе речь пойдет о заимствовании в начале XVII века словоформы *have gotten* из британского варианта английского языка (далее БрА) в «английский язык Америки колониального периода» (Швейцер 1963: 14), где она в качестве архаичной формы использовалась на протяжении XVII – XVIII вв. Заметим, это был диалектальный период английского языка в истории англоязычной Северной Америки. После того, как с XIX по XXI в. данная словоформа стала отличительной чертой американского варианта английского языка (далее АМА), она была заимствована в карибский вариант английского языка (далее КВА), представляя собой инновацию.

Выявленные обязательные контексты для реализации форм *have got* ‘иметь, обладать’ и *have gotten* ‘приобретать’ в АМА XXI в. указывают на то, что по сравнению с английским языком Америки XVII в. в АМА XXI в. изменилась дистрибуция данных словоформ. Если для английского языка Америки XVII в. данные формы находились в свободном распределении, то в АМА XXI в. в отношении *have got* и *have gotten* вырабатываются отношения дополнительной дистрибуции, при которых «одна форма или сегмент никогда не встречается в том же окружении, что другой» (Степанов 1985: 46). Приведем пример употребления формы *have gotten* в АМА XX в.:

I have gotten John a bear. ‘Я приобрел (приложив усилия) медвежонка для Джона’.

Данное употребление *have gotten* полностью удовлетворяет литературным нормам АМА, однако оно неправильно для БрА, поскольку данная форма, начиная с середины XVIII в., не употребляется в британском варианте английского языка. Так, по свидетельству Х. У. Фаулера (Fowler 2001: 227), в БрА употребление словоформы *gotten* в ее глагольных реализациях (при *have, be*) считается архаичным. Можно заключить, что в «общее ядро» АМА и БрА входят все случаи использования

формы *have got*, а также формы *gotten*, когда она подверглась адъективации. Но когда в АМА XXI в. словоформа *gotten* используется как компонент глагольной структуры (в настоящем или прошедшем времени перфектной группы, в инфинитиве, пассиве, в функции причастия I или герундия), в этих случаях *gotten* представляет собой дифференциальный признак американского варианта английского языка.

Напомним, что в АМА XXI в. значение ‘иметь, обладать’ реализуется последовательностью *have got* только в том случае, если глагол *have* стоит в настоящем времени индефинитного разряда. Отсюда следует, что любые другие формы, в которых может стоять глагол *have* (прошедшее время, будущее время, пассив, причастие I, инфинитив), могут способствовать реализации значения ‘приобретать’ и, следовательно, употреблению формы *have gotten*. Заметим, что форма *have gotten* выступает в функции инфинитива после модальных глаголов, образуя составное глагольное модальное сказуемое. Следовательно, наличие левостороннего адьюнкта – любого модального глагола – создает благоприятные условия для употребления данной формы.

Наличие отношений дополнительной дистрибуции у форм *have got* и *have gotten* свидетельствует о том, что сфера употребления *have gotten* в АМА XXI в. имеет синтаксические ограничения. Наличие лексико-семантических и синтаксических ограничений на употребление *have gotten* в АМА XXI в. указывает на сужение сферы функционирования данной словоформы в ее глагольных употреблениях в АМА XXI в. по сравнению с английским языком Америки XVII в. Таким образом, словоформа *gotten* затронута действием процесса сужения диапазона употребления *have gotten* в АМА XXI в. по сравнению с английским языком Америки XVII в. Следовательно, в АМА XXI в. она проявляет приметы архаизации, для нее также характерны рецессивные тенденции,.

Словоформы *have got* и *have gotten* находятся в отношении свободной дистрибуции в английском языке Америки XVII – XVIII в. и в современном БрА. Диапазон значений формы *have gotten* становится все уже к середине XVIII в. в английском языке Англии. Это объясняется тем, что литературные нормы БрА при их окончательной кодификации в XVIII в. санкционировали

форму *have gotten* в ее глагольных употреблениях отрицательно и она была оттеснена в субстандарт. С середины XVIII в. *gotten* в составе аналитической формы перфекта выходит из употребления в БрА. С другой стороны, в конце XVIII в. складывается американский вариант английского языка. Центробежные силы, которые стояли за создание собственной американской нормы английского языка, консервируют форму *have gotten* в ее глагольных употреблениях. С конца XVIII в. употребление *have gotten* в АМА было санкционировано положительно нормами американского варианта английского языка. Теперь с XIX по XXI в. такие употребления словоформы считаются дифференциальным признаком складывающегося американского варианта английского языка.

Таким образом, *have gotten* 'приобретать' употребляется в английском языке Северной Америки на протяжении всего колониального периода с XVII по XVIII в. в качестве диалектальной единицы. После американской революции и становления американской государственности данная словоформа употребляется в АМА с конца XVIII века по XXI в. в качестве одного из дифференциальных признаков его литературной нормы. В БрА данная словоформа была в обиходе до середины XVIII в., вышла из литературного языка, была оттеснена в субстандарт и перешла в разряд архаизмов.

В КВА форма *have gotten* в ее глагольных употреблениях была заимствована из АМА (Allsopp 1996:264). Причастие II *gotten* включается в состав форм перфекта для передачи акциональных значений в КВА, например:

If the Draytons had ever gotten a fair break, spouge would have been more popular (Allsopp 1996: 264) 'Если бы Дрейтонам удалось сделать сольную интерпретацию, танец спудж был бы более популярным'.

Как упоминалось выше, в КВА *have gotten* выступает в роли инновации, а не архаизма. По мнению Р. Аллсоппа, «форма *have gotten* обычная для американцев США, все чаще употребляется в письменной речи высокообразованных жителей Вест-Индии, владеющих карибским английским» [перевод наш – В.Д., А.Д.] (Allsopp 1996: 264).

На основании данного исследования сформулируем следующие выводы:

1. В обоих вариантах английского языка – АМА и БрА – в отношении словоформы *have gotten* имеет место один и тот же процесс – сужение ее семантической структуры. Но в БрА он был доведен до своего завершения. В результате этого в БрА данная словоформа не используется в глагольных употреблениях, начиная с XIX в. В этот же период аналогичный процесс осуществляется и в АМА, однако он происходит гораздо медленнее. Здесь из смысловой структуры *gotten* в ее глагольных употреблениях исчез ряд значений, что особенно заметно при сравнении объема значений данной словоформы в английском языке колониальной Америки XVII в. и в АМА XXI в.

2. В АМА XIX – XXI вв. процесс вытеснения словоформы *have gotten* в ее глагольных употреблениях словоформой *got* также имеет место. Однако, в АМА XXI в. он не завершен, поскольку не прошел весь цикл, характерный для БрА XVIII в., как бы остановившись на полпути. Американский архаизм *have gotten* развивается по новому пути: здесь вырабатываются отношения дополнительной дистрибуции между словоформами *got* и *gotten* в их глагольных употреблениях.

3. Географическая близость США к странам Карибского бассейна способствует проникновению некоторых американских черт в карибский вариант английского языка. Так словоформа *have gotten* в ее акциональных значениях была заимствована в КВА из АМА. Но если в АМА данная словоформа в своих акциональных употреблениях представляет собой реликтовое явление, то в КВА она функционирует в качестве зарождающейся инновации.

Литература

- Степанов Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1985. – 271 с.
- Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М. : Высш. шк., 1963. – 215 с.
- Allsopp R. Dictionary of Carribean English Usage / R. Allsopp. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 697 p.
- Fowler H.W. Modern English usage / H.W. Fowler. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 725 с.

Значение и вербализация концепта *закон* в русской лингвокультуре

Связь языка, мышления и культуры может наглядно представить процесс формирования знаний, представлений о действительности у носителей определенной лингвокультуры, закрепления этих знаний в социальной памяти поколений того или иного социокультурного образования. Исследования конкретной культуры происходит через важнейшие понятия или концепты, которые составляют ее ядро и отражают определенный способ восприятия и отношения к явлениям окружающей действительности (Степанов, 1997).

Одним из значимых концептов, которые влияют на мировосприятие человека как носителя лингвокультуры и регулируют его социальное поведение, является *закон*. В сознании людей концепт ассоциируется с идеей нарушения закона и оценкой его соблюдения, ср.: *следовать букве закона, закон не писан*.

В докладе рассматриваются понятийные составляющие концепта *закон* в наивно-языковом сознании носителей русской лингвокультуры. Интерес представляет понимание закона как границы свободы и гаранта свободы в русской культуре. Так, в словаре В. И. Даля закон представляет собой «предел, постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти». Согласно М. Фасмеру, слово *закон* в русском языке восходит к *конъ* ‘начало’ и ‘конец’; первоначально, вероятно, – ‘кол, столб, который служит напр. для разграничения земельных участков’. От того же этимологического корня **kon-* // **ken-* происходит «возникать, начинаться; начинать, положить начало чему-либо» и глагол *ceti* ‘начать’, который путем префиксальной трансформации отразился в русск. *на-чать* (Фасмер 1986: 75). Таким образом, *кон* – это предел, грань между началом и концом, а *за-кон, закон* – граница (Степанов 1997: 428).

В качестве ядра концепта *закон* в русской лингвокультуре выступает представление о границах, ограничениях свободы,

тогда как свобода предполагает отсутствие ограничений любого рода, своего рода вседозволенность.

Следует отметить, что концепт *закон* существует в трех проявлениях – как закон юридический, закон моральный либо духовный и закон науки, природы. В силу своей социокультурной значимости нас интересуют способы вербализации закона юридического и его взаимосвязь с законами морали.

Государственные законы в значительной степени опираются на нормы морали, т. е. на некодифицированную форму регулирования социокультурных отношений. Нормы морали находят отражение в поступках людей и реакции на них. При этом типичные реакции формулируются в виде пословиц, афоризмов и других устойчивых выражений, а также в сжатой форме выражаются в значениях слов и фразеологизмов (Палашевская, 2001).

Анализ лексикографических и справочных источников русского языка позволяет констатировать, что фразеологизмы и устойчивые выражения, в составе которых присутствует имя исследуемого концепта, в большей степени получают негативную эмоциональную окраску, ср.: *закон не писан; закон, что дышло; драконовские законы*. Такое отношение может быть связано с традиционно низким уровнем исполнения законов, их несовершенством и несоответствием современным условиям жизни.

С другой стороны, однако, в русской лингвокультуре закреплены образцы почтительного и уважительного отношения к законам: *неписанный закон, по закону, закон есть закон* (Войнова 1986: 165). Такие противоречия могут быть признаком неоднородности, а порой и несовершенства законных норм и требований. Вариативность отношений к такому социальному явлению как закон свидетельствует также о развитии общества, об изменениях в национально-культурном и общественном сознании носителей русского языка.

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/zakon/8845/>; <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/volya/3599/>

- Палашевская И. В.* Концепт 'закон' в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. В. Палашевская. – Волгоград, 2001. – 196 с.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотип. – Т. 2. – М. : Прогресс, 1986. – 672 с.
- Фразеологический словарь русского языка* / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз, 1986. – 543 с.

Семантические трансформации вещественных имён существительных в русском языке

Вещественные имена существительные в русском языке рубежа XX – XXI вв. обнаруживают активные семантические преобразования, которые проявляются в их числовом оформлении.

Особенности функционирования категории числа у слов, традиционно относимых к *singularia tantum*, изучены не полностью: морфологический запрет на образование форм мн. числа нарушается в современной речи настолько часто, что становится затруднительным использовать его в качестве диагностического показателя отнесённости к тому или иному лексико-грамматическому разряду.

По замечанию В. В. Виноградова, «категория числа имен существительных представляет сложный предметно-смысловой узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические и лексико-семантические особенности существительных» (Виноградов 1972: 128). Образование форм мн. числа у существительных *singularia tantum* можно считать «активным процессом современного русского языка, усиливающим связи морфологии и семантики: появляющиеся формы мн. числа значительно трансформируются по выражаемому ими значению» (Валгина 2001: 171). Так происходит, с одной стороны, выравнивание разных групп существительных по признаку числовых парадигм, а с другой – семантико-стилистическая дифференциация речевых морфологических новообразований: развивается идея конкретных проявлений, разновидностей абстракции, что свидетельствует о динамике языкового сознания.

Следует отметить, что в современной речи наметились некоторые очевидные тенденции в использовании форм мн. числа, но далеко не все реализации моделей семантической деривации (регулярной многозначности) отмечены в словарях и описаны лингвистами.

Наблюдения за вещественными существительными показали, что в их семантическом развитии наметилось четыре основных

направления: 1) 'сорт вещества', 2) 'порция вещества'; 3) 'изделие из вещества'; 4) 'большое количество вещества, заполняющего, организующего или составляющего пространство'. Рассмотрим их подробнее.

1. Значение 'сорт вещества' представлено у большей части анализируемых лексем.

По возможности выделения сортов, разновидностей существительные условно можно разделить на две группы. В первую входят номинации веществ, не допускающих выделение вида, сорта. Это названия природных веществ, химический состав которых, в соответствии с наивными представлениями о мире, нерелевантен (*воздух, снег, песок, грязь*), названия веществ и соединений, однозначно определяемых химической формулой, со строго заданными свойствами, способами получения (*азот, кислород, дёготь*). Во вторую группу входят номинации веществ и материалов, обладающих релевантными для человека качествами, допускающих выделение сортов. Определяющими признаками сорта могут быть: участие / неучастие человека в производстве (*натуральные белки, синтетические масла*); способ получения (*легированные стали*); ценностные характеристики (*элитные вина, марочные коньяки*); происхождение, определяющее функциональные свойства (*гжельские глины, грузинские вина*). Происхождение не будет релевантным признаком для «утилитарных» материалов (*пакля, вата, пенопласт*). Понятие сорта чаще соотносится с веществами, материалами, получаемыми специально, для которых в соответствующих областях знаний разработаны классификации.

С учётом выводов, сделанных О. Н. Ляшевской (2004), и собственных наблюдений перечислим признаки, помогающие выделить сорта / виды вещества.

1. Химический состав или состав исходных продуктов: *бронза* 'вид сплавов меди с оловом и некоторыми другими металлами' – *колокольная бронза, бронза с высоким содержанием олова*.
2. Состав и структура вещества, материала: *суспензия* 'жидкость со взвешенными мелкими твёрдыми частицами' – *газожидкостная суспензия, высокодисперсная суспензия наноалмазов*.
3. Определённые физические свойства: *газ* 'газообразное вещество' – *инертный газ, охлаждённый, сжатый газ*.

4. Принадлежность к классу химических элементов, неорганических и органических соединений: *нитраты* ‘соли и эфиры азотной кислоты’ – *нитраты серебра, нитраты металлов*.

5. Функция материала: *крем* ‘средство для ухода за кожей’ – *восстанавливающий крем, интенсивно увлажняющий, выравнивающий*.

У некоторых подобных номинаций функция «зашифрована» в словообразовательном значении: *утеплитель* ‘материал для утепления’ (*качественный утеплитель, жесткий волокнистый утеплитель*).

Языковой материал лишней раз позволил убедиться в том, что человек с начала своего существования старается «разложить по полочкам» окружающий мир: вещества и материалы получают индивидуальные номинации, сводятся в классификации.

Такие существительные, как *железо, золото, серебро, олово, свинец, сурьма, кадмий*, при обозначении сортов, видов, марок, проб вещества не образуют форм мн. числа, например:

золото или серебро разных проб; железо, свинец высшей марки.

Однако существуют термины *оловянные руды, оловянные концентраты, серебряные руды*. В ходе исследования некоторые семантические изменения всё же были отмечены. Например, обозначение сорта вещества – *белое, жёлтое, червонное золото*; обозначение изделий, их совокупности – *коллекция скифского и сарматского золота*.

2. Значение ‘порция вещества’ развивается у номинаций продуктов питания в эллиптических конструкциях. В разговорной речи количественно-именные сочетания типа *восемь йогуртов, пять соков* используются для обозначения порции вещества: ‘восемь стаканчиков / бутылок йогурта’, ‘пять бутылок / коробок сока’:

– *Восемь йогуртов*, – начал он перечислять, – *малина, черника...*
(Т. Устинова).

– *Взял пять соков* (Разговор в офисе).

Употребление форм мн. числа становится возможным благодаря тому, что нераздельная предметность мыслится как раздельная. Такие сочетания нередко определяют как ситуативно неполные: в них пропущены счётные слова-нумеративы. Некоторые из вещественных существительных в сочетании с числительными выбирают формы единственного даже при возможности

образования форм множественного: *Дайте мне два масла, но пять пачек масла; Дайте мне три вина, но семь бутылок вина* – несмотря на существование мн. ч. *масл'а, в'ина*, поскольку они осознаются как ‘сорт масла / вина’.

Номинации даются обычно в им. или вин. падеже, и чаще всего это сочетания с числительными *два, три, четыре* (которые управляют в этой синтагме существительным в форме род. падежа ед. числа): *два, три, четыре творога, молока*; но не *с тремя творогами* (тв. падеж, мн. число) и не *пять творогов* (род. падеж, мн. число). Например: *два молока и три кефира*. Невозможно сочетание с квантором *несколько*. Вероятно, это связано с сингулярностью некоторых имён.

3. Значение ‘изделие из вещества’ развивается в результате метонимического переноса; например, *жемчуг* (‘вещество’) → *жемчуга* (‘украшения из жемчуга’):

Платье с жемчугами ... хрустали и бирюза, Родина слышит, паде катр, мой плач – всё ушло, исчезло (Л. Петрушевская);

Серебряная голова, жемчуга на шее и в ушах (С. Пилявская).

В результате семантических изменений (вещественное осознаётся как конкретное) такие существительные обнаруживают способность к квантификации: *У нашей команды два золота, серебро и две бронзы* (Из телерепортажа); *Накрыть стол на пять хрусталей* (т. е. пятью хрустальными предметами. – Из жаргона официантов).

4. Значение ‘большое количество вещества, заполняющего, организующего или составляющего пространство’, развивает сравнительно небольшой круг существительных, реализуя его в формах мн. числа: *воды, льды, снега, пески* и др. Например:

Используйте шанс утолить жажду приключений: по-настоящему окунуться в воды Тихого океана (Восточно-Сибирская правда, 2003).

Я так хотел найти тех женщин ранеными или больными где-нибудь в снегах или во льдах... Никого не нашёл, ни в снегах, ни во льдах, но, правда, по той причине, что я не побывал в таком месте, про которое можно было бы смело сказать: снега или льды (Е. Гришковец).

В формах мн. числа наряду с пространственным может обнаруживаться временное значение:

Эти сменяющиеся ежегодные снега всё и вся завалили (В. Маканин).

Уже десять снегов завалили ту развилку юности, некий проблеск, который был мне дан (В. Маканин).

В пределах таксономического класса «вещества и материалы» лексема может развивать разные значения, входить в разные тематические группы и, следовательно, обнаруживать разное числовое поведение.

Рассмотрим возможные семантические трансформации на примере слова *песок*. Поскольку песок, согласно наивным представлениям о мире, относится к ряду веществ с нерелевантным химическим составом, наиболее частотны «пространственные» семантические приращения:

‘обширные пространства, покрытые песком’: *Частые крупные звёзды сияли повсюду – до самых дальних пределов необозримых песков* (Э. Климов);

‘локализованные, менее обширные пространства’: *Машина должна преодолевать средних размеров колдобины, водные преграды, пески, грязь и слякоть* (Хулиган. 2004);

‘особым образом организованные пространства’: *грядовые пески* – «массивы песка в пустыне, образующие параллельно расположенные узкие гряды, ориентированные по направлению ветров»; *бугристые пески* и *кучевые пески*, «скапливающиеся близ кустарников в виде холмов» (Википедия);

‘пространства, отличающиеся особыми физическими характеристиками’: *зыбучие пески*, «перенасыщенные горячими парами, способные засасывать попадающие на них предметы» (Википедия);

‘особый тип ландшафта’ в картографических обозначениях: *пески* – как, например, *горы*, *реки* и др.;

‘культурный слой земной поверхности’: *Кем бы я был в иных столетиях со своей натурой и сутью... Просто бы распался в московских суглинках и песках* (В. Орлов).

Согласно естественнонаучным представлениям, *песок* – вещество, имеющее разновидности, поэтому возможна семантическая трансформация ‘сорт / вид’. По признаку участия / неучастия человека выделяют *природный* и *искусственный песок*; по происхождению – *речной*, *морской*, *овражный*, *горный песок*; по физическим характеристикам выделяют *пески от средних групп до очень крупных, с модулем крупности от 2 и выше* (Горная промышленность. 2004). По химическому составу, степени концентрации веществ выделяются:

монацитовые пески, используемые для получения редкоземельных элементов; касситеритовые пески, содержащие высокий процент оловянной руды; зеленовато-серые глауконитово-кварцевые пески (Геоинформатика, 2003).

И, конечно, для человека всегда был важен *золотоносный песок*:

На Колыме завершился сезон промывки золотоносных песков
(www.metalloprokat.ru).

Таким образом, слово *песок* в результате конкретизации может получать пространственное или сорто-видовое значение, а значения порции и изделия – маловероятны.

Вещественные *singularia tantum* вследствие конкретизации обнаруживают регулярные семантические изменения, определяющие числовое поведение. Полная числовая парадигма обычно наблюдается у лексико-семантических вариантов со значением ‘сорт / вид вещества’, ‘порция вещества’ (контекст при этом можно трактовать как эллиптический) и ‘изделие из вещества’. Семантическое приращение ‘большое количества вещества, заполняющего, организующего или составляющего пространство’, оказывается более весомым и иногда сопровождается дополнительными смыслами: связанное с парадигмой мн. числа, оно позволяет констатировать её лексикализацию. Запрет на образование форм мн. числа у вещественных имён существительных, сохраняющийся до сих пор в некоторых пособиях по культуре речи, нарушается в современном дискурсе «с дивной регулярностью» (Кара-Мурза 2005: 608).

Литература

- Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.
- Кара-Мурза Е. С.* Парадоксы квантификации: функционирование категории количества в современном русском языке / Е. С. Кара-Мурза // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. – М. : Индрик, 2005. – С. 596–611.
- Ляшевская О. Н.* Семантика русского числа / О. Н. Ляшевская. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 390 с

Семантика производных от наименований понятия *отец* в немецком, русском и украинском языках

1. Данная работа посвящена сопоставительному исследованию производных от наименования понятия *отец* (далее НПО) в трех языках – немецком, русском и украинском, то есть лексем типа нем. *Gevatter* ‘крёстный отец’ ← *Vater* ‘отец’; рус. *отчим* ← *отец*; укр. *побатько* ‘приемный отец’ ← *батько* ‘отец’. При этом речь идет не только об именах существительных, но и производных, образованных от лексемы *отец* и принадлежащих к другим частям речи (см. ниже).

2. Термины родства рассматриваемых языков принадлежат к наиболее древнему слою индоевропейской лексики (см. напр. Бенвенист, 1968; Трубачев, 1959), вследствие чего они включались в состав лексики, используемой в методе глоттохронологии М. Сводеша. Так, немецкая лексема *Vater* (Duden, 2007), русская *батя* и украинская *батько* восходят к латинскому *pater*, санскритскому *pitār* (ср. также готское *fadar*, праславянское *bata*); русская лексема *отец*, украинская *отець* восходят к хеттскому *attaš*, латинскому *atta*, древнеиндийскому *attá* ‘мать, старшая сестра’, старославянскому *отъць* (ср. также готское *atta*, древнеисландское *ätte*). Термины родства служили объектом сопоставительных и типологических исследований (см. напр. Николаева, 2006; Nikolayeva, 2014). Таким образом, исходным материалом послужили пять НПО: одно – в немецком (*Vater*) и по два – в русском (разг. *батя* / *батька*, *отец*) и украинском (*батько* и уст. *отець*).

3. От данных НПО образуются дериваты со следующими значениями (см. ниже).

3.1. Имена существительные:

1) «родители» – в украинском языке от формы множественного числа НПО *батько* образуется лексема со значением ‘родители’: *батьки* (ср. Бусел, 2005; Kaliuščenko, 2013); 2) диминутив: от четырех НПО (исключение составила лексема *отец* в русском языке) образованы лексемы с уменьшительным значением: нем. *Vater* → *Väterchen*; рус. *батя* → устаревшее, почтительное *батюшка*, *батенька* (*батя*, что объясняется, вероятно, его

ограниченной сферой употребления, оно принадлежит к просторечной, областной лексике); укр. *батько* → *батечко*, *отець* → *отчик*; 3) «крестный отец»: нем. *Gevatter*, от этой лексемы образуется наименование *Gevatterin* ‘крестная мать’; 4) «наследник»: только в украинском образованы две лексемы с данным значением: *отчич*, *отчевич*; 5) «отчизна, родина»: в двух языках отмечены дериваты этой семантики, исключение – НПО *батя* в русском; рус. *отчизна*, укр. *батьківщина*, *отчизна*, *вітчизна*, *от(е)чина*; 6) «праотец»: четыре НПО (исключение – рус. *батя*) мотивируют во всех трех языках лексемы с этим значением, ср.: нем. *Urvater*, рус. *праотец*, укр. *прабатько*, *праотець*; 7) «приемный отец»: только в украинском НПО *батько* служит основой для образования лексемы с данным значением: *побатько* ‘приемный отец’; 8) «ребенок без отца»: в русском и украинском языках от трех НПО образованы лексемы рус. *безотцовщина*, укр. *безбатченко* ‘внебрачный сын’, *безотчина*; 9) «отчим»: две лексемы с этим значением образованы от НПО *отец* в русском (*отчим*) и украинском (*вітчим*) языках; 10) «состояние, отношение отцовства»: во всех трех языках отмечены три производных с данным значением, ср. нем. *Vaterschaft*, рус. *отцовство*, укр. *батьківство*; 11) «отец + стилистические признаки ‘просторечное, с оттенком грубоватой фамильярности’.

3.2. Глаголы:

1) «быть отцом»: только в украинском от НПО *батько* образован глагол *батькувати* с указанным значением; 2) «опекать, относиться по-отечески»: данное значение реализует устаревший глагол *bevatern* в немецком и глагол *батькатися* в украинском; 3) «ругаться, упоминая при этом отца, ругать отца»: данная семантика присуща украинскому глаголу *батькувати* в его втором значении.

3.3. Прилагательные:

1) «отцовский»: имена прилагательные, образованные от четырех НПО, отмечены во всех трех языках (исключение составило НПО *батя*): нем. *väterlich*, рус. *отцов*, *отцовский*, *отчий*, *отеческий*, укр. *батьківський* ← *батько*, *отчий*, *отецький*, *отцевський* ← *отець*; 2) «не имеющий отца»: прилагательное с этим значением есть в немецком языке: *vaterlos* ← *Vater* (Duden, 1989).

3.4. Наречия с семантикой способа действия от НПО образованы в русском языке (*отечески*, *по-отцовски*), в украинском (*по-батьківському*, *по-батьківськи*), в немецком языке прилагательное *väterlich* (см. выше 3.3.) может функционировать

в качестве наречия, ср.: *jmdn. väterlich behandeln* ‘обращаться с кем-либо, относиться к кому-либо по-отечески’.

4. Результаты проведенного сопоставительного анализа семантики производных от НПО в немецком, русском и украинском языках позволяют сделать следующие выводы.

4.1. В немецком языке имеется одно НПО, в русском и украинском по два НПО, при этом русское НПО *батя* характеризуется принадлежностью к просторечной, областной лексике, что, вероятно, обусловило его низкую словообразовательную активность: от него образовано только два деривата (см. 3.2.). В немецком НПО *Vater* мотивирует семь производных. В русском от НПО *отец* образовано 10 дериватов, в украинском от НПО *батько* образовано 12 лексем, от НПО *отець* – 15 дериватов.

4.2. В трех языках в целом выделено 17 значений производных. Количество значений, реализуемых в дериватах от отдельных НПО, выглядит следующим образом: украинское НПО *батько* – 11 значений; НПО *отец* в русском – 8, *отець* в украинском, *Vater* в немецком – по 7 значений, *батя* в русском – 2 значения. Большое количество производных по сравнению с числом значений объясняется наличием нескольких вариантов производных, выражающих одно значение (см., например, три прилагательных со значением ‘отцовский’ в украинском языке, образованных от НПО *отець*: *отчий, отцевський, отецький*).

4.3. Во всех трех языках от четырех НПО (*Vater, отец, батько, отець*) реализуются следующие значения: 1) ‘диминутив’; 2) ‘праотец’; 3) ‘отцовский’.

4.4. В трех языках от трех НПО (*Vater, отец, батько*) отмечены дериваты со значениями: 1) ‘отцовство’; 2) ‘по-отцовски’.

4.5. Два значения дериватов от НПО отмечены только в близкородственных русском и украинском языках: 1) ‘безотцовщина’; 2) ‘отчим’.

4.6. К уникальным значениям дериватов от НПО, отмеченным в одном языке, принадлежат следующие: в немецком – 1) ‘крёстный отец’; 2) ‘не имеющий отца’; в русском – ‘отец + стилистические признаки (прост., фам.)’; в украинском – 1) ‘родители’; 2) ‘приемный отец’; 3) ‘быть отцом’; 4) ‘ругаться, упоминая отца, ругать отца’.

5. Данное исследование позволяет установить путем анализа семантики производных некоторые типичные смыслы, связанные с исходным термином родства *отец* в трех языках. Очевидно, что эти смыслы, обозначающие людей, их признаки, действия через отношение к понятию *отец*, обнаруживают больше сходства в близкородственных русском и украинском языках по сравнению с немецким. Обращает на себя внимание наибольшее число значений производных, связанных с украинским НПО *батько*.

Литература

- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1968. – 607 с.
- Бусел В. Т.* Великий тлумачний словник сучасної української мови / В. Т. Бусел. – К. : Ірпінь : ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
- Ніколаєва Л. Б.* Семантика слова “батько” у деяких германських та слов’янських мовах / Л. Б. Ніколаєва // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах : зб. наук. пр. – Донецьк : ДонНУ, 2002. – Вип. 5. – С. 89–100.
- Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 211 с.
- Duden Das Herkunftswörterbuch.* Etymologie der deutschen Sprache. – 4., neu bearb. Aufl. – Bd. 7. – Mannheim-Wien-Zürich : Dudenverlag, 2007. – 960 S.
- Duden Deutsches Universalwörterbuch* / hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. Unter Leitung von G. Drosdowski. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1989. – 1816 S.
- Kaliuščenko V.* Die Nominationstypologie eines Begriffs / V. Kaliuščenko // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. – Frankfurt/M. u.a. : Peter Lang, 2013. – S. 13–18 – (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. – Vol. 1).
- Nikolayeva Larysa.* Typology of Kinship Terms / Larysa Nikolayeva. – Frankfurt/M. u.a. : Peter Lang, 2014. – 227 p. ([Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik.](#) – Vol. 2).

Каменская Ирина Борисовна,
Овсянникова Кристина Юрьевна
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Евпаторийский институт социальных наук (филиал)

Концептуальный анализ понятия *Property*

Анализ концепта *Property* осуществляется в рамках лингвокультурологического направления, предложенного Ю. С. Степановым (Степанов, 2004), который выделяет три основных слоя концепта: актуальный признак; исторический признак; внутренняя словесная форма концепта.

Внутренняя форма, или этимологический слой содержания концепта, выступает той основой, из которой развились остальные содержательные слои. Английское слово *property* этимологически восходит к латинскому *proprietas* и связано с французским понятием *propriété*, что означало *the peculiar nature or quality of a thing*, и со времён Цезаря подразумевало под собой понятие *ownership* (Fauconnier, 2002). Ассоциативный план понятия неоднократно модифицировался.

Синхронически *Property* означает социальные отношения, характеризующие распределение (присвоение) элементов материального благосостояния общества между его членами (*Possession*). Такие отношения регулируются государством и имеют форму права собственности, включающего полномочия собственника владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом (*Ownership*) (Савельев, 1996: 112-123).

В актуальном слое концепт *Property* существует для всех носителей английского языка. Имя концепта имеет два основных значения, объединённые компонентами *Ownership* и *Possession*, что представлено в самой дефиниции слова *Property* в современных англоязычных словарях:

a thing or things that are owned by somebody; a possession or possessions (American Heritage Dictionary); *the right of ownership, title; the exclusive right to possess, enjoy, and dispose of a thing* (Cambridge Advanced Learner's Dictionary); *the exclusive right of possessing, enjoying, and disposing of a thing; ownership; title* (Webster's dictionary).

Ключевое слово *Property* непосредственно соотносит исследуемый концепт с двумя рядами смежных концептов, которые конкретизируют:

- 1) комплекс прав на собственность, юридическое владение (*Ownership*);
- 2) материальные и нематериальные объекты владения, фактическое владение ними (*Possession*).

Два понятия – *Ownership* и *Possession* – составляют информационное содержание концепта *Property*, позволяют образовать его информационное поле, состоящее из отдельных единиц (денотатов и коннотатов), связанных одним, общим для всех ядром, термином-концептом.

Современные лингвистические словари дают следующие определения понятий *Ownership* и *Possession*.

Ownership: legal right to the possession of a thing; the state or fact of being an owner (American Heritage Dictionary); the socially supported power to exclusively control and use for one's own purposes, that which is owned (Electronic dictionary); legal title coupled with exclusive legal right to possession (Juridical electronic dictionary).

Из перечисленных определений следует, что понятие *Ownership* подразумевает факт наличия права на владение чем-либо, а понятие права на владение влечёт за собой ряд понятий, которые раскрывают процесс правовладения. Это некий пласт концепта *Property*, объединяющий все ассоциативные понятия словосочетания *right to possess*:

- a) *to master; to control; to govern; to rule; to manage; to claim;*
- б) *dominion; possession; proprietary rights; proprietorship; right of possession; title; law; power; responsibility; mastery; occupancy; use.*

Possession: the act of having and controlling property; control or occupancy of property without regard to ownership (Webster's dictionary); the act of possessing or state of being possessed (Juridical electronic dictionary); actual holding or occupancy with or without rightful ownership (American Heritage Dictionary).

Понятия *Ownership* и *Possession* идеографически синонимичны, отражая владение юридическое и фактическое.

Анализ содержательного плана приведённых дефиниций свидетельствует об эквивалентности термина *possession* русскоязычному термину *владение*. Владение – это одна из форм

права собственности, фактическое обладание вещью, которое не всегда связано с правом на владение ею. Данное понятие ассоциируется с понятиями:

a) *to have; to own; to dominate; to hold; to control;*

б) *tenure; domain; custody; proprietorship; demesne; seizing; barony.*

Обладание комплексом прав и фактическое владение каким-либо предметом входит в содержание понятия *privacy* (конфиденциальность, неприкосновенность частной жизни владельца), которое подразумевает одно из основных прав человека на владение каким-либо предметом без вмешательства со стороны других лиц (Juridical electronic dictionary). Англоязычные толковые словари дают следующие определения *privacy*:

the ability of an individual or group to seclude themselves or information about themselves and thereby reveal themselves selectively; the state of being free from unsanctioned intrusion (American Heritage Dictionary); one's private life or personal affairs (Juridical electronic dictionary); the quality or condition of being private; withdrawal from company or public view; seclusion (Webster's dictionary).

Понятие *Privacy*, таким образом, образует ассоциативное поле содержательного плана концепта *Property*, наполняя его такими понятиями как *concealment, discretion, individual privacy, intimacy, isolation, personal privacy, private life, privateness, seclusion, secrecy.*

Таким образом, в языковом сознании носителя современного английского языка концепт *Property* отражает социальные отношения, характеризующие распределение (присвоение) элементов общественного материального благосостояния между различными членами общества (*Possession*). Понятия *Possession* и *Ownership* образуют информационное поле современного понимания концепта *Property*, связанных семантическим узлом понятия *Privacy* как права защиты от незаконного вмешательства во владение чем-либо.

Литература

- Савельев В. А. Власть и собственность. Юридические аспекты собственности в праве классического периода / С. А. Михайлов // Древнее право. – Вып. 1. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – С. 112–123.
- Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Юрий Сергеевич Степанов. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – С. 42–67.
- Fauconnier J. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / J. Fauconnier, M. Turner. – N. Y. : Basic Books, 2002. – 440 p.

О семантике существительного *rihtære* в средневерхненемецком языке

1. Доклад посвящен исследованию семантики суффиксального имени существительного *rihtære* ‘судья’ в средневерхненемецком (свн.) языке. Данная лексема выбрана для рассмотрения в связи с тем, что она является наиболее частотной среди наименований лиц мужского пола в вышеуказанный период.

Источниками материала является трехтомный словарь свн. языка М. Лексера (Lexner, 1992), который отражает целостную систему свн. языка, и письменные памятники разных типов и жанров – религиозные тексты (BvR; ChE) и исторические грамоты (WilC II, IV), которые дают представление о письменной речи рассматриваемого культурно-исторического периода. Органичное сочетание словарного и текстового материала в исследовании исторического словообразования является целесообразным, поскольку это дает возможность установить все значения лексемы, если она полисемантична, и проанализировать особенности её функционирования в определённом контексте.

2. Развитие системы номинации лиц мужского пола наблюдается, прежде всего, на уровне семантики. В основе функционирования различных языков, как продукта метафорического образования, лежит полисемия (Лайонз, 2003) и немецкий язык не является исключением. Исследование лексем на материале словаря одного языкового периода не дает возможности увидеть семантику слова в развитии, в динамике. Словарь фиксирует все возможные значения лексемы, каждое из которых может быть конкретизировано только в контексте.

Существительное *rihtære* является морфологически и семантически мотивированной лексемой с функцией агенса, указывающей на профессиональный вид деятельности человека. Его словообразовательной базой является глагол *rihten* ‘судить’.

Как показало исследование текстового материала, данное наименование является гораздо более частотным в исторических грамотах (184 словоупотребления), что «задано» прагматической направленностью данного типа текста в историческом контексте, ведь свн. грамоты фиксировали имущественные и другие права и

отношения представителей средневекового общества. В анализируемых религиозных текстах, в отличие от грамот, отмечены лишь единичные случаи употребления *rihtære* (всего 3). Это обусловлено содержательной направленностью религиозных текстов, поскольку они воплощают общение средневекового человека с Богом, к которому обращались, как правило, со словами *vater* ‘Отче!’ или *herr* ‘Господи!’.

В словаре М. Лексера приведены следующие толкования существительного *rihtære*: ‘управляющий’, ‘распорядитель’, ‘(верховный) глава’, ‘регент’, ‘судья’, ‘посыльный (в суде)’ (Lexher 1992: 431). Такая многозначность слова вызывает определённые трудности для лингвистов и переводчиков, однако именно контекст, в отличие от словаря, помогает нивелировать полисемию и реализовать только одно определённое значение слова, ср.:

- (1) <...> *ez müge dehein rihter nieman ertoeten* <...> (BvR: 12) ‘и пусть ни один судья не убьёт ни одного человека’.
- (2) *Dar vber hab auch wier gebeten hern vlrichen van wolfgerstorf den Lant Rihter / der diser sache høerer vnd rihter was...* <...> (WilC IV: 3310) ‘Об этом и мы попросили господина Ульриха фон Вольфгерсдорфа, судью земельного суда, который был в этом деле и слушателем, и *судьёй*’.

В приведенных контекстах *rihtære* – как самостоятельное слово – следует понимать как судью вообще. В сочетании же с определительным компонентом *lant* ‘земля (как административная единица территории)’ (пример 2) происходит конкретизация значения: *lant rihter* – судья земельного суда.

Следует также отметить, что в свн. грамотах выявлено большое количество синонимов наименования *rihtære*, конкретизирующих функции судьи в средневековом суде производстве, а именно:

kieser, *scheidære*, *tagedinger* ‘третейский судья’, *überhøerer* ‘следственный судья’, *ûzrihter* ‘судебный исполнитель’ и т. д.

Итак, семантический и функциональный анализ наименования лица *rihtære* позволил установить, что данное производное является морфологически и семантически мотивированной лексемой, зафиксированной в словаре свн. языка как многозначное слово, отдельные значения которого можно уточнить только с помощью контекста. Необходимость конкретизации функций судьи является причиной появления в

языке соответствующих слов-синонимов с более узким значением.

Литература

- Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика : Введение / Дж. Лайонз. Пер. с англ. В. В. Морозова, И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
- BvR* : Berthold von Regensburg. Sælic sint die reines herzen sint. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sps.k12.mo.us/khs/gmcling/bert.htm>
- ChE* : Christine Ebner. Engelthaler Schwesternbuch. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа к тексту : <http://www.uni-giessen.de/gloning/tx/1350engt.htm>
- WilC IV* : Wilhelm Fr. Corpus der altdeutschen Originalurkunden bis zum Jahr 1300 / Fr. Wilhelm. – Lahr (Schwarzwald) : Moritz Schauenburg K.-G., 1963. – Bd. 4 : 1297 – Ende 13. Jahrhundert, Nr. 25605-3598. – 653 S.

Коммуникативно-прагматическое поле
как метод комплексного описания способов реализации
категории модерации

Систематизация способов деинтенсификации содержания высказывания с точки зрения его локуции и иллокуции позволяет ввести в лингвистический обиход коммуникативно-прагматический тип поля.

Целью работы является описание принципов организации коммуникативно-прагматического поля модерации (далее КППМ), его структуры и состава.

В лингвистике термин «поле» существует как метафора, связанная с представлением о группировке взаимодействующих языковых средств и их системно-структурной организации. Принцип поля зарекомендовал себя как продуктивный способ представления существующих отношений между элементами языковой системы (Тарасова, 1991). Примером этого является описание на материале различных языков полей семантических (Трир, 1968; Вердиева, 1986), грамматико-лексических (Гулыга, 1969), синтаксических (Золотова, 1973; Слюсарева, 1981), функционально-семантических (Бондарко, 2001).

Понятие «коммуникативно-прагматического поля» подчеркивает прагматическую направленность лежащей в его основе теории. Данный термин входит в обиход в прагматику как некая данность, существующая в языковом сознании языковой личности и характеризующаяся на лингвистическом уровне как некая общность языковых средств, которые образуют потенциальное смысловое единство благодаря своей привязанности к выражению определенного коммуникативного намерения и специфическому отражению предмета коммуникации (Starke 1979: 145; Wilske 1979: 56).

КПП обнаруживает, как правило, неоднородную и сложную структуру, объединяя инвентарь разнообразных высказываний, взаимодействующих между собой и организованных в систему. Конституирующим фактором или доминантой КПП может быть цель речевого акта, его иллокутивная сила, или коммуникативная

интенция говорящего, обязательно присущие всем компонентам поля.

Что касается объекта нашего исследования, моделирование коммуникативно-прагматического поля модерации связано с особенностями структуры одноименной коммуникативно-прагматической категории. Категория модерации представляет собой тот коммуникативно-прагматический инвариант, который объединяет различные прагматические варианты на базе общности коммуникативной интенции говорящего, а именно – придание высказыванию более умеренного, сдержанного характера (Кишко, 2011):

I'm sorry to have to tell you for it won't do you or anybody else a bit of good, and it will probably cause you, Gwennie, a good deal of pain.

Инвариантное значение модерации реализуется в речи англоговорящих коммуникантов в виде пяти прагматических вариантов, а именно: митигации, недоговоренности, неуверенности, аппроксимации и девальвации. Такое гетерогенное содержание КПК модерации обуславливает выбор рассматриваемого типа поля способом ее организации. Как следствие, категория модерации структурируется в виде коммуникативно-прагматического макрополя модерации (далее КППМ), объединяющего в своей структуре соответственно пять микрополей.

Если предположить, что выделяемая нами КПК модерации имеет полевою структуру, отвечающую основным принципам полевого моделирования, то общекатегориальное инвариантное значение модерации составляет план содержания макрополя в целом, в то время как значения митигации, недоговоренности, неуверенности, аппроксимации и девальвации – планы содержания конституирующих данное макрополе микрополей: а именно: мП аппроксимации, мП неуверенности, мП недоговоренности, мП девальвации и мП митигации.

Таким образом, наличие в содержательной основе макрополя коммуникативно-прагматической, а не языковой (семантической, грамматической, синтаксической и т. п.) категории является его принципиально отличительной характеристикой. В то же время наличие пяти микрополей подчеркивает его сложную структуру.

План выражения данного поля представлен группировкой языковых (лексических, лексико-грамматических, синтаксических) и стилистических средств, а также некоторыми риторическими приемами – дискурсивными средствами. Указанный корпус средств называется модераторами. Они являются иллюстративными показателями реализации говорящим коммуникативной интенции модерации в ее различных прагматических вариантах. Как показывает эмпирический анализ, исследуемое поле насчитывает около 100 модераторов, реализующих инвариантное содержание категории модерации в конкретных высказываниях: *almost, about, a bit / a little, pretty, sort of / kind of, quite, in a way, more or less* и др.

В соответствии с ведущим организующим принципом полевой структуры, средства, входящие в состав поля, делятся на центральные и периферийные. Однако если для структуры большинства грамматико-лексических, функционально-семантических и других традиционно выделяемых в языке полей типичным является строгое противопоставление центра (ядра) и периферии, то для КППММ такое размежевание оказывается не обязательным, в результате чего оно имеет более размытую и аморфную структуру. Последнее обозначает, что компоненты поля скорее тяготеют к ядру или периферии, чем входят в их состав. Как следствие, ввиду своей гетерогенности как в плане содержания, так и плане выражения рассматриваемое поле представляется как слабо центрированное «нечеткое множество» (*fuzzy sets*) (Zadeh, 1965).

Если в основу структурирования плана выражения КППММ положить принцип прагматической специализации единиц языка, то к центру каждого КППММ будут стремиться модераторы, которые используются для выражения одного конкретного прагматического варианта модерации. Как правило, такие модераторы являются монофункциональными: им ингерентно присуща семантика модерации смысла высказывания как элемент их лексической или грамматической парадигматики.

К периферии тяготеют полифункциональные модераторы: контекстно-зависимые средства, способные выполнять более чем одну функцию модерации в зависимости от коммуникативной интенции адресанта. Их прагматический потенциал растет по мере их дистанцированности от ядра. Максимально удалены от

центра наиболее контекстно чувствительные и, следовательно, наименее прагматически специализированные единицы.

Таким образом, основные принципы теории поля с введением необходимых поправок приложимы и к описанию коммуникативно-прагматического макрополя модерации. Наряду с общими чертами КППМ обнаруживает и ряд особенностей, касающихся его организации, плана содержания и плана выражения.

Перспективы исследования представляются в углублении анализа КППМ с точки зрения синергетического принципа взаимодействия системы и среды.

Литература

- Кишко С. М.* Комуникативний феномен модерациї в сучасному англomовному художньому дискурсі : дис. ...канд. філол. наук : 10.02.04 / С. М. Кишко. – Донецьк, 2011. – 204 с.
- Тарасова Е. В.* Языковое поле как единица дидактической типологии / Е. В. Тарасова. – К. : УМК ВО, 1991. – 109 с.
- Zadeh L.* Fuzzy Sets / L. Zadeh // Information and Control. – 1965. – № 8. – P. 338–353.

Метафора и метонимия как способы номинации человека в сфере искусства

1 Доклад посвящен исследованию процессов вторичной номинации человека в сфере искусства (кино, театр, музыка и телевидение) на материале разговорной лексики (в т. ч. сленга) английского и немецкого языков, напр.:

англ. *feeder* букв. ‘кормилец’ – ‘актер на вторые роли (актер, подающий реплики)’ (который, исполняя свою роль, «кормит» актера, исполняющего главную роль);

нем. *Moderatendarsteller* букв. ‘актер, исполняющий роль ведущего’ – ‘третьесортный ведущий в третьесортной программе’.

1.1 Материалом исследования послужили 228 наименований человека в искусстве (далее НЧИ) в английском языке (из них – 41 метафора и 21 метоним) и 235 НЧИ в немецком языке (из них – 93 метафоры и 13 метонимов), зафиксированные в словарях разговорной лексики и сленга сопоставляемых языков (Аyto, 1998; Dalzell, 2009; Partridge, 1984; Küpper, 1997; Wörterbuch der deutschen Umgangssprache: <http://www.mundmische.de>) языков).

2 В структурном плане данные лексические единицы представляют простые (одноосновные) либо сложносоставные слова (композиции). Основным средством вторичной номинации человека в искусстве в анализируемом материале является метафора (англ. – 41/62 НЧИ или 66,1%; нем. – 93/106 НЧИ или 87,7%), которая может выполнять следующие коммуникативные функции (Fainsilber 1987: 240–241): она выражает то, что нельзя выразить буквально; в отличие от буквальных средств выражения понятия, метафора помогает в сжатой и лаконичной форме передать большее количество информации; она придает яркость и образность субъективному восприятию того, что могло бы быть выражено буквально.

2.1 В процессе метафоризации переосмыслению может подвергаться весь композит как единое целое или один из его компонентов, часто – второй. Метафоризированный базовый

(второй) компонент НЧИ в английском и немецком языках может входить в лексико-семантические группы слов, обозначающих:

2.1.1 *фауну и флору*, ср.: англ. *her-cat/hip-cat* букв. ‘ловкий кот’ – ‘знаток джаза’ (*cat*, возможно, в связи со странствующим образом жизни, который вели первые джазисты); нем. *Theaterpflanze* букв. ‘театральное растение’ – ‘театральная актриса’;

2.1.2 *человека по*:

а) *роду деятельности и умениям*, ср.: англ. *village blacksmith* букв. ‘сельский кузнец’ – ‘актер, который получает ангажемент не более, чем на неделю’; нем. *Seelenmasseur* букв. ‘массажист душ’ – ‘лирический певец’ (т.е. певец, который своим пением как бы массирует (лечит) души);

б) *социальному положению*, ср.: англ. *acting lady* букв. ‘леди, исполняющая роль’ – ирон. ‘посредственная актриса’; нем. *Luxusdame* букв. ‘роскошная дама’ – ‘актриса в роскошных костюмах’;

в) *родственным связям*, ср.: англ. *red-hot momma* букв. ‘разгоряченная мамочка’ – ‘джазовая певица, исполняющая песни в нарочито грубой манере’; нем. *Klamaukbruder* букв. ‘брат, отпускающий грубые шутки на сцене’ – ‘комик с грубыми шутками’;

2.1.3 *небесное тело*, ср.: англ. *back-cloth star* букв. ‘звезда задника’ – ‘актер, отвлекающий, выходя на авансцену, внимание публики на себя’; нем. *Filmbusenstar* букв. кинозвезда (женского пола) с бюстом – ‘пышногрудая актриса, лишенная актерского таланта’.

2.2 НЧИ-композицы, которые метафоризируются как единое целое, распределены по следующим тематическим группам:

2.2.1 *фауна*, ср.: англ. букв., детск. ‘птичка’ – *dicky-bird* ‘профессиональный певец’; нем. *Piermatz* букв. ‘птенец’ – ‘сопрано со слабым голосом’;

2.2.2 *артефакты, механизмы, приборы, приспособления и их детали*, ср.: англ. *boot-jack* букв. ‘холуй (приспособление для снятия сапог)’ – ‘универсальный актер’ (польза от универсальности актера связывается с пользой и пригодностью приспособления для снятия сапог); нем. *Kreissäge* букв. ‘дисковая пила’ – ‘певица, чей голос напоминает визжащую пилу; визжалка’;

2.2.3 *человек по роду деятельности*, ср.: англ. *dog-robber* ‘член съемочной группы, который подыскивает реквизит’ (изначально *dog-robber* обозначал бродягу, воровавшего и

питавшегося обедками, а впоследствии – ординарца офицера, что указывает на унижительность такой должности; нем. *Holz hacker* букв. ‘дровосек’ – ‘бесчувственный пианист, плохой музыкант’ (он бьет по клавишам, как дровосек по полену).

2.3 Метафорические переносы одноосновных НЧИ в английском и немецком языках группируются в следующие тематические разряды:

- 2.3.1 *фауна*, ср.: англ. *ape* букв. ‘обезьяна’, *gorilla* букв. ‘горилла’ – ‘технический работник съемочной группы’; нем. *Tigerin* (букв. ‘тигрица’) разг. ‘актриса, которая одержима своей работой’;
- 2.3.2 *человек по роду деятельности*, ср.: *runner* букв. ‘бегун’ – ‘помощник продюсера (т.е. тот, кто на побегушках)’; нем. *Beamter* букв. ‘служащий’ – ‘актер, играющий без воодушевления’ (этот актер похож на бездушного чиновника, выполняющего безучастно и равнодушно рутинную работу);
- 2.3.3 *артефакты, механизмы, приборы, приспособления и их детали*, ср.: англ. *ventilator* букв. ‘вентилятор’ – ‘актер, который своим выступлением разгоняет зрителей’; нем. *Dampfer* букв. ‘пароход’ – ‘джаз-оркестр, джазовый ансамбль’ (звук ударных инструментов, а также отбивание такта музыкантами похожи на стук двигателя парохода).

2.4. Отдельные НЧИ в английском и немецком языках образуются по следующим метонимическим моделям:

- 2.4.1 «объект (часто инструмент), который используется для совершения определенного действия → субъект действия», ср.: англ. *sticks* ‘барабанные палочки’ → *sticks* ‘барабанщик, ударник’; нем. *Retorte* ‘реторта (сосуд, применяемый в лабораториях для нагревания и перегонки веществ)’ → *Retorte* ‘типичный актер с неестественными манерами’ (от *aus der Retorte* ‘синтетический, полученный химическим путем, искусственный’);
- 2.4.2 «часть тела, орган → человек», ср.: англ. *gatemouth* ‘широкий рот’ → *gatemouth* ‘джазмен’ (аллюзия на большой, словно ворота, рот музыканта, играющего на духовом инструменте); нем. *Goldkehlchen* ‘золотое горлышко’ → *Goldkehlchen* ‘юная звезда эстрады’;
- 2.4.3 «действие → субъект действия», ср.: англ. *heart-throb* ‘биение сердца’ → *heart-throb* ‘красавчик, сексапильный мужчина (особенно популярный певец, актер)’ (его привлекательность заставляет биться сердца его поклонниц);

нем. *Kehlkopf**katastrophe* ‘гортанная катастрофа’ →
*Kehlkopf**katastrophe* ‘певец-/певица-катастрофа; неумелый
певец, певица’.

3 Сопоставительный анализ вторичной номинации НЧИ в анализируемых языках свидетельствует о том, что немецкий язык, в сравнении с английским, характеризуется большей степенью образности при обозначении человека в сфере кино, театра, музыки и телевидения (нем. – 106 НЧИ = 45,1%, англ. – 62 НЧИ = 27,2%). В обоих языках основным средством образной номинации служит метафора, а доминирующую роль в процессе метафоризации НЧИ играют следующие признаки: человек по роду деятельности и умениям, социальному положению, личным качествам и характеру, возрасту, родственным связям (англ. – 15, нем. – 28 НЧИ), фауна и флора (англ. – 13, нем. – 29 НЧИ).

Литература

Fainsilber L. Metaphorical uses of language in the expression of emotions / Lynn Fainsilber, Andrew Ortony // *Metaphor and Symbolic Activity*, 2 (4). – Lawrence Erlbaum Assoc., 1987. – P. 240–241.

Логические компоненты пресуппозиции и импликации в семантической структуре речевых актов

Результаты современных изысканий в области лингвистической прагматики, психолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, теории речевой коммуникации свидетельствуют о том, что коммуникативные намерения говорящих достаточно часто осуществляются косвенным образом. Форма высказываний, употребляемых в косвенных речевых актах, может быть более или менее конвенциональной. Так, употребление вопросительных предложений типа: *Могу я попросить вас передать мне соль?* заменяет собой косвенную директиву, устанавливаемую в виде *Передайте, пожалуйста, соль*. Пример *До чего душно!* также содержит в себе подразумеваемый смысл и может интерпретироваться как просьба открыть окно. Понятие «подразумеваемый смысл» соотносится с подходом к речевому акту как к способу достижения человеком определенной цели. Само содержание подразумеваемого смысла интерпретируется авторами по-разному. В числе понятий, сопровождающих анализ речевых актов, наиболее часто привлекаются понятия пресуппозиции, имплицитного смысла, контекстуального смысла, подтекста, контекста и др. При этом исследователи единодушны во мнении, что смысл высказывания и текста не сводится к значениям языковых единиц, из которых они состоят, а выводится коммуникантами на основе имеющихся у них фоновых знаний о реальной действительности и обстановке общения, об особенностях употребления языковых единиц, лингвистического и жизненного опыта собеседников.

В научной литературе встречаются многочисленные определения имплицитности, среди которых присутствует ее дефиниция как мыслительной операции, подводящей к выводу о некоторых пластах смыслового содержания референтной ситуации, не вербализованных в речевом акте. Пресуппозиция понимается как когнитивно-прагматические основания косвенных способов выражения некоторой предпосылки, заложенной отправителем информации.

С точки зрения Ж. Вета, получатель информации уясняет для себя истинную и полную суть названной в высказывании референтной ситуации посредством двух логических операций: он мысленно восстанавливает фазу, предшествующую утверждаемому в предложении и строит предположение относительно возможного развития ситуации-референта в будущем. В теории Ж. Вета операции восстановления и прогнозов носят название пресуппозиции и импликации (Vet 1981: 114). На примере речевых актов, в грамматической структуре которых участвуют наречия *encore* = *pas fini de*, *toujours* 'еще, по-прежнему'; *déjà* = *fini de* 'уже', автор утверждает, что адекватное понимание утверждаемого положения дел в предложении *L'arbre fleurit encore* 'дерево еще цветет' возможно при построении ее модели. Она включает часть, представляющую предыдущий этап описываемой ситуации: *L'arbre fleurissait auparavant* 'дерево цвело раньше', и часть, которая описывает фазу, ожидаемую говорящим в будущем: *L'arbre ne fleurira pas toujours* 'дерево не будет цвести всегда'. При этом подобное моделирование не означает произвольной трактовки реципиентом происходящих преобразований, поскольку все необходимые сведения о характере ситуации-референта заложены в семантике глагола и его актантов. Для Ж. Вета наречия *encore*, *déjà*, *à peine* являются пресуппозиционными наречиями, и само их присутствие связывает оформленные ими высказывания с «теорией возможного мира». Терминологический аппарат теории, включающий названия «утверждаемое», «имплицитивный», «пресуппозитивный», нацелен на отражение реально возможных изменений в состоянии или действиях субъекта предложения. Эти изменения не эксплицитированы отправителем информации, а устанавливаются адресатом из подтекста, дополняющего значение высказывания. Подобный косвенный смысл задается глагольным словом и его дистрибуцией в предложениях:

Я начинаю понимать, что происходит; Сегодня отечественная кинематография создает качественное кино; Он прекратил ставить коллег в неловкое положение; В свои 60 лет Юрий еще хорошо плавает.

Литература

- Анохина Н. В.* Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания : дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа. – 2010. – 195 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/implitsitnost-kak-komponent-struktury-soderzhaniya-teksta-i-sostavlyayushchaya-protssessov-eg#ixzz3ovOD Tk6s>
- Перлова Ю. В.* Когнитивно-прагматические основания косвенных способов выражения побуждения (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2012. – 161 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com>
- Vet J.P.* La notion de «monde possible» et le système temporel et aspectuel du français // *Langages*. – 1981, № 64. – P. 109–123.

Лысова Елена Борисовна,
Хренова Юлия Владимировна
Владимирский государственный университет
им. Н.Г. и А.Г. Столетовых

Отражение миграционного кризиса в лексике современного немецкого языка

Как и любой другой язык, немецкий прирастает новой лексикой, приспособляясь к новым условиям развития общества. При этом многие неологизмы немецкого языка отражают реалии общественно-политической жизни Германии и других стран. Именно поэтому изучение общественно-политической лексики представляет особый интерес для лингвистов.

В рамках данного исследования основное внимание сосредоточено на лексике, отражающей процессы миграционного кризиса в современной Европе. Были проанализированы статьи из онлайн-версий журналов *Der Spiegel* и *Die Welt*, датированные сентябрем – октябрем 2015 года и посвященные актуальной проблеме беженцев на территории ЕС. Статьи, затрагивающие актуальные социально-значимые проблемы, написаны живым немецким языком и содержат большое количество политической терминологии, из которой было отобрано и систематизировано 30 лексических единиц, относящихся к миграционной тематике.

Анализ значений данной лексики проведен на основе лексикографических источников: *Collins German-English Dictionary online*, *ABBYY Lingvo Немецко-русский словарь онлайн*, *Duden online*.

В результате исследования были выделены следующие группы терминологической лексики вышеуказанной тематики:

1. Термины, зафиксированные в словарях немецкого языка и в одном из двуязычных словарей. При этом указанные там толкования не всегда совпадают со значением, выявленным в тексте, напр.: *Einwanderungsgesetz* ‘закон об иммиграции’; *Grenzpunkt* ‘контрольно-пограничный пункт’; *Visumspflicht* ‘визовый режим’;
2. Неологизмы, значения которых закреплены в толковых словарях немецкого языка и совпадают с их контекстуальными значениями, но не имеют эквивалентов в английском и русском языках (не нашли отражения в двуязычных

словарях), напр.: *Andrang (von Flüchtlingen)* ‘массовый приток (беженцев)’; *Herkunftsland* ‘страна, из которой прибыл беженец’ (букв. ‘страна происхождения’);

3. Неологизмы, значения которых не закреплены ни в двуязычных словарях, ни в толковых словарях немецкого языка и определяются только контекстом, напр.: *Grenzschießung* ‘закрытие границы’; *Visumerleichterung* ‘упрощение визового режима’; *Erstaufnahmelager* ‘лагерь первичного размещения беженцев’.

Проанализированные неологизмы являются продуктом деривации либо результатом изменения значения слова и свидетельствуют о динамичности развития современного немецкого языка. Каждый из отобранных терминов характеризует актуальное состояние языковой системы, отражающей окружающую действительность и все активнее входит в обиход немецкоязычного социума.

Экономическая составляющая семантики темпоральной лексики в английском языке

Исследование семантики англоязычных темпоральных номинаций на материале Британского национального корпуса текстов позволяет сделать вывод о том, что время в анализируемых контекстах часто репрезентируется как исчерпаемый экономический ресурс. Время представляет собой необходимый фактор производства, позволяющий в случае рационального использования получить весомую выгоду. Процесс производства товара невозможен без вложения в него значительного количества не только исходного материала, но и времени.

Время играет роль важных инвестиций, разумное распределение которых, как и правильное вложение денег, может дать прекрасный результат, как материальный, так и нематериальный (моральный, эмоциональный и т. п.):

it is wise to invest time and effort to ensure your photos remain a source of pleasure and joy (BNC/BPF); Oag ... began to look for a local company he could invest time and money in (BNC/K5H); one must of course invest time and effort to understand the procedures (BNC/BNV); the value of materialism motivates individuals to invest time and energy producing and acquiring material possessions (BNC/FB6); we do have to invest time and money in understanding groundwater (BNC/ANX); The more permanent way to reduce limitation is to increase capacity – that is to invest time and effort in learning the skills that the job requires (BNC/CKS); The conditional contract does give the developer the incentive to invest time and money in a project (BNC/FYS); Julian Hardinge ... and Peter Ferris ... both urged delegates to invest time and funds in EDI technology (BNC/FSV).

Расточительность по отношению ко времени может дорого обойтись человеку:

It also guaranteed hours of wasted time as users struggled to choose between Bodini Extra Bold and Franklin Gothic (BNC/CTX); that was a good deal of production time that was lost that cost me a lot more money than I had anticipated (BNC/A0X); They waste time and money when their sole interest is to secure the maximum publicity for

their causes (BNC/G2L); it's an outrageous waste of time and money (BNC/CGC); A terrible waste of time and money (BNC/EBT); the XVIth triennial meeting of the International Council of Museums was a colossal waste of time and money (BNC/EBX); This country is far too entrenched in a litigation mentality that squanders time and money ... (BNC/BNV).

Как показывает фактический материал, неразумная трата времени, как и денег, расценивается как ужасная, огромная, неслыханная и т. п. (*terrible, colossal, outrageous*), что дает нам представление об отношении социума к такому расточительству.

Гораздо разумнее использовать время с пользой, эффективно:

I'd actually prefer to send you to that than go to it myself, because I think that would be a better use of time (BNC/F8U); he's very keen on the use of time (BNC/G5K); He had developed co-operation with nature, and hence the economical use of time (BNC/ABW); Working in groups offers an enjoyable contrast to individual work ... being a cost-efficient use of time (BNC/EB1); In the correct use of time, nothing must remain idle or useless (BNC/J53); Work was undertaken on a whim rather than as a responsible use of time (BNC/B2G); change your thinking about what is a valuable use of time (BNC/C8L); One person leading into another can make ... a more efficient use of time (BNC/ADK); It was arrived at with efficient use of time (BNC/CBU); The sheer speed and increased accuracy of electronic data transfer allows us and centers to make better use of time (BNC/HBM); having more applications of computers ... allows a more effective use of time (BNC/HBN).

Как показывают примеры, умение эффективно использовать время расценивается как необходимое условие достижения успеха в современном обществе. Оно может не только принести большую экономическую выгоду, но и помочь человеку преуспеть в жизни.

Эффективное использование времени предполагает не только разумное планирование времени, но и его постоянный контроль, мониторинг:

an analysis of his or her use of time... could help both in creating more time and in making for a more effective and efficient context for learning (BNC/G1F); the analysis and modification of the use of time have to be repeated from year to year (BNC/HPX); The head needs then to be very conscious of the use of time (BNC/B28); The descriptions above have been based on estimating and planning

the use of time on the project (BNC/HNV); Explained the importance of controlling the use of time (BNC/HRH).

Очень важно уметь экономить время. Когда речь идет об экономии, в англоязычном тексте часто проводится параллель между временем и деньгами, поскольку экономия важна в отношении обоих ресурсов:

“My policy saved me so much time and money”, he says (BNC/C8B); Even more time and money could be saved (BNC/CAT); we aim to save you time and money on those fishy pilgrimages and Sunday circuits (BNC/CGH); Longer-lasting evergreens mean no replanting – saving you time and money (BNC/C8B); Such concessions will save a company like Marcos time and money (BNC/BM5); Synthetic tack ... will save you time and money (BNC/BPB); It would save time and a little bit of money (BNC/ATE); To save time we will go in my car (BNC/GUM); A plan of action will save time and trouble and make the whole event a less wearing experience (BNC/K2W); BRITISH RAIL literally cut corners to save time and money at Newton junction (BNC/K5D); a Bill of Rights ... might in addition save time and money (BNC/K5M); The Commission felt that, to save time and expense, authorities able to execute requests should include not only courts, but commissioners, notaries public, lawyers and others (BNC/EDL); Many Government amendments are brought in the Lords to save time in the Commons (BNC/EVK); The purpose of the change was to save time and money (BNC/F9B); It is admitted that the object of the preliminary issue was to save time and money (BNC/FBS).

При таком подходе к восприятию времени естественно, что во многих английских текстах присутствует указание на то, что время – это деньги:

Plus, it only takes seconds to connect up, and as time is money that's always important (BNC/C9K); For many people, time and money are the same thing (BNC/ASH); TIME is money. Or is money time? It certainly used to be (BNC/ABK); some of their time is very full, and to them time is money (BNC/JK1); Good, then you'll know that time is money (BNC/HGT); Time is money in the City (BNC/HWL); They know time is money so they have a policy of buying it with yours and everyone else's (BNC/CD0); Time is money, and one must expect to see more pressure being brought to bear to reduce to a minimum the time taken from the start of a project to the arrival of the product on the shelves (BNC/GWL); Become a volunteer. Your time can be as valuable as your donation (BNC/A7G); Remember: Time is money, your money (BNC/CFT); That costs time, and time is money (BNC/ANY).

Время может также выступать в роли имущества, предмета, принадлежащего человеку. Им можно обладать, его можно брать и давать:

he seems to have been taken aback by the discovery that his time is not his own (BNC/CR7); I need a few hours to report back to the office, then my time can be my own (BNC/HA5); Most people don't have enough time to do that now (BNC/G2E); There's only one issue to which you should be giving your time and energy (BNC/ECT); Our thanks to these, and to all the friends of THE FACE who have given their time and money so generously to help us (BNC/CD5); hard-working VOLUNTEERS who give so freely of their time and money (BNC/CJ4); North Adams mayor John Barrett ... interprets this as license to take as much time as he needs to find the additional funds (BNC/CKV); They give time and money to their faith (BNC/ABV); It is important not only to give time but to be genuinely interested in your teenagers (BNC/BLW); It seems improbable that donors will be motivated to give time or money to a profit-making hospital or home (BNC/G1C); Miller had to give time to those who might call seeking particular plants or information on their culture (BNC/ALU); The few people walked swiftly, or tried to steal time from their employers (BNC/FPO).

В таких контекстах время выступает в роли дорогостоящего имущества, принадлежащего человеку. Время может являться товаром, который можно продать или купить.

Доминирующей и объединяющей все важные для носителей английского языка грани времени является высшая ценность – умение разумно управлять временем. При этом время расценивается как нечто гораздо более важное, чем деньги. Таким образом, несмотря на несколько утилитарное отношение ко времени, оно является для современного человека высшей ценностью, которую невозможно купить.

Литература

BNC : British National Corpus / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://corpus.byu.edu/bnc>

Гендерный аспект конфигурации адресантно-адресатных
отношений в оценочных высказываниях:
на материале англоязычного художественного дискурса

В основу изучения художественного дискурса в современной лингвистике положена деятельностная онтологическая картина речевого общения, что не только дает возможность углубиться в содержание художественной коммуникации, но и разъяснить феномен использования людьми природного языка – «орудия социального воздействия и взаимодействия в условиях конкретных ситуаций коммуникации на основе системы социальных правил, постулатов, стратегий» (Селиванова 2011: 129).

Исследование коммуникативно-прагматических особенностей реализации категории оценки в художественном дискурсе предполагает изучение интеракции участников, в которой проявляются взаимоотношения коммуникантов, их намерения, ощущения, эмоции. Гендерный параметр языковой личности заметно влияет на восприятие ценностной картины мира индивидом и, как следствие, на ее объективацию в речевом поведении. По мнению лингвистов, гендер – это социальный конструкт, набор характеристик, определенных культурой общества, который идентифицирует социальное поведение мужчин и женщин, а также отношения между ними (Бессонова, 2002).

Актуальность предложенного исследования обусловлена интегрированным функциональным и гендерным подходом к изучению адресантно-адресатных отношений коммуникантов в оценочных высказываниях (ОВ), которые содержатся в англоязычном художественном дискурсе.

Цель исследования заключается в выявлении различных моделей конфигурации данных отношений коммуникантов, а также в анализе особенностей вербализации оценки в высказывании, в зависимости от гендерных параметров личностей коммуникантов, их социальных ролей.

Художественный дискурс является отображением и воплощением художественной коммуникации, с одной стороны, а

также одним из способов ее реализации, с другой. Субъектно-речевая двуплановость структуры художественного текста приводит к тому, что на поверхностном уровне текст представляет собой сложное образование, которое позволяет определить две разновидности художественной коммуникации: реальную и изображенную (придуманную, внутритекстовую) (Плисак 2002: 210). Реальная коммуникация происходит по линии «автор – текст – читатель», а изображенная – представляет собой непосредственное общение персонажей в тексте.

Коммуникативное взаимодействие персонажей в художественном произведении осуществляется по правилам и канонам реальной коммуникации, на основе модели и опыта человеческого общения. Гендерные стереотипы коммуникативного поведения мужчин и женщин отражается в изображенной художественной коммуникации, а именно: в диалогическом речевом взаимодействии персонажей, что выражается, в частности, в использовании в коммуникативных ситуациях разных по природе ОВ. В диалоге есть два основных актанта: говорящий (адресант) X и адресат Y, на которого направлено высказывание. Экспликация оценочного смысла соотносится с социальным, речевым, психологическим, интеллектуальным и физическим аспектами личности адресанта и адресата.

По принципу адресантно-адресатного взаимодействия партнеров по коммуникации, 487 оценочных высказываний, составляющие корпус эмпирического материала, были разделены на четыре группы:

1) ОВ, где мужчины оценивают женщин (М-Ж):

(1) *'Hulloa, Julia, what's the matter with you tonight? Gosh, you look swell' he said breathlessly* (W.S. Maugham. Theatre: 106) «Привет, Джулия! Что случилось с тобой сегодня? Черт возьми, ты выглядишь шикарно», – сказал он'.

2) ОВ, где мужчины оценивают мужчин (М-М):

(2) *'What does that chap Profond do in England?' 'He yachts.'* *'Ah!'* *Soames exclaimed; 'He's a sleepy chap.'* (J. Galsworthy. To Let: 28) «Что этот Профонд делает в Англии?» «Он ходит на яхте.» «А, - воскликнул Соэмс, – он – очень нудный парень».

3) ОВ, где женщины оценивают мужчин (Ж-М):

(3) “*He’s a good swimmer,*” *Rosemary said* (F.S. Fitzgerald *Tender is the Night*: 14) ‘«Он – хороший пловец,» – сказала Розмари’

4) ОВ, где женщины оценивают женщин (Ж-Ж):

(4) “*What is she like?*” ... “*Oh, quite a nice little thing. Actressy.* – *said Mrs. Townsend*” (W. Somerset Maugham *The Painted Veil*: 38-39) «Как она тебе?» ... «Очень милая. Такая себе актриска. – сказала Миссис Таунсенд».

Продуцируя оценку адресата в ситуации общения, говорящий не только анализирует коммуникативную ситуацию, стараясь выбрать наиболее адекватную форму выражения оценки, в зависимости от преследуемой иллокутивной цели, но и основывается на своем социальном опыте, знаниях о мире, определенных нормах и стереотипах общения, закрепленных в обществе. Поэтому структура и семантика ОВ, на наш взгляд, предопределяется коммуникативной сферой, к которой относится конкретная ситуация общения. Анализируя корпус эмпирического материала, удалось выделить четыре коммуникативные сферы, отличающиеся этикетными стереотипами общения: семейные, дружественные, любовные и профессиональные отношения.

В каждой из представленных сфер общения коммуниканты исполняют определенные социальные роли. Л. П. Крысин (Крысин: 1989), трактуя этот термин, фокусирует внимание на коммуникативном аспекте, определяя социальную роль как форму социального поведения, обусловленную статусом индивида в социальной группе, которая находит свою реализацию в определенной коммуникативной ситуации.

Анализируя коммуникативные ситуации, в которых используются ОВ, удалось определить две модели соотношения социальных ролей коммуникантов в интерперсональном взаимодействии в ситуациях оценки:

- 1) социальная роль X выше / ниже социальной роли Y;
- 2) социальные роли X и Y равнозначные (Арутюнова: 1981).

Таким образом, гендерные параметры личности коммуникантов, их социальные роли и статусы являются определяющим фактором коммуникации, так как они являются регуляторами поведения, а именно вербального коммуникативного поведения.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. СЛЯ. – 1981. – Т.40, № 4. – С. 356–367.
- Бессонова О. Л.* Оцінний тезаурус англійської мови : когнітивно-гендерні аспекти / О.Л. Бессонова. – Донецьк : ДонНУ, 2002. – 362 с.
- Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1989. – 320 с.
- Плисак Д. В.* Художня комунікація vs дискурс : до проблеми співвіднесення понять / Д. В. Плисак // Мова : Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – 2012. – № 18. – 2012. – С. 208–211.
- Селіванова О. О.* Основи теорії мовної комунікації : підручник / О. О. Селіванова. – Черкаси : Вид-во Чабенко Ю.А., 2011. – 350 с. – 350 с.

Лексико-семантические группы терминов родства в английском и немецком языках

Среди тематических пластов лексики одно из первых мест по давности происхождения занимают слова, которые обозначают родственные отношения, ср.: англ. *milksucker* разг. ‘ребенок’, нем. *Hausdrache* – букв. ‘домашний дракон’, разг. ‘жена’.

Объектом исследования являются лексические единицы (ЛЕ), обозначающие отношения родства, а предметом – сопоставительное изучение их семантики в разговорной и сленговой лексике английского и немецкого языков. Анализируемые ЛЕ были отобраны путем сплошной выборки из наиболее репрезентативных толковых и двуязычных словарей сопоставляемых языков.

Родство определяется в настоящем исследовании как отношение между людьми, имеющими общих родителей или общих предков (англ. *bizzle* ‘брат’, нем. *die Fieze* разг. ‘сестра’), так и отношения, возникшие в результате заключения брака (нем. *die Schwiegermama* ‘свекровь, теща’).

В проанализированном эмпирическом материале выявлены термины родства (ТР) с такой семантикой:

‘муж’: англ. *hubby*, нем. *Familienminister*; ‘жена’: англ. *the bossy*, нем. *Beißzange*; ‘мать’: англ. *milf*, нем. *Glucke*; ‘отец’: англ. *dilf*, нем. *Brötchengeber*; ‘родители’: англ. *old folks*, нем. *Cheferei*; ‘сын’: англ. *hot cross bun*, нем. *Stift*; ‘дочь’: англ. *soap and water*, нем. *Ablegerin*; ‘ребенок (дети)’: англ. *ankle-biter*, нем. *Milchbubi*; ‘брат’: англ. *Bizzle*, нем. *Fiez*; ‘сестра’: англ. *junior wolf*, нем. *Kelle*; ‘братья и сестры’: нем. *Zecken* (Pl.); ‘дедушка’: англ. *gramp*, нем. *Opi*; ‘бабушка’: англ. *gran*, нем. *Omama*; ‘свекровь и теща’: *Schwiegermama*; ‘свекор и тесть’: нем. *Schwiegerpapa*; ‘кузен (кузина)’: англ. *cutty*, нем. *Schwippvetter*; ‘брат жены или мужа’: нем. *Schwonkel*.

В немецком языке количественный набор смысловых групп ТР больший (17 групп), чем в английском (13). Только в немецком языке были отмечены семантические группы ТР со значениями ‘свекор и тесть’, ‘брат жены или мужа’, ‘свекровь и теща’.

Семантические группы терминов родства со значениями ‘ребенок (дети)’, ‘мать’, ‘отец’, ‘родители’ были зафиксированы в обоих исследуемых языках. По количеству входящих в их состав ЛЕ, данные группы существительных являются самыми продуктивными. ТР со значением ‘дедушка’, отмеченные также в обоих языках, оказались непродуктивными.

Доминирование ЛЕ, которые выражают, в первую очередь, кровное родство по прямой линии в соседних поколениях (‘родители’, ‘дети’ и т. д.) над номенами, обозначающими кровное родство по прямой линии через поколение (‘бабушка’, ‘внук’ и т. д.) либо же кровное не прямое родство (‘тетя’, ‘племянник’ и т. д.), можно объяснить тем, что человек эмоционально и вербально быстрее реагирует на явления, факты, события, с которыми он сталкивается в повседневной жизни, и которые происходят непосредственно внутри его семьи, чем на черты характера и поведение членов семьи, с которыми он изредка видится, что приводит к их активному закреплению в словарном составе языка.

Литература

- Близнюк О. В.* Термины родства как объект лингвистического анализа // Иностранные языки : лингвистические и методические аспекты : Сб. науч. трудов. – Тверь : ТвГУ, 2004. – С. 43–46.
- Николаева Л. Б.* Типологія термінів спорідненості / Николаева Л. Б. – Донецьк : ДонНУ, 2005. – 255 с. – (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. – Т. 3).

Составные слова с компонентом-универбом в русском языке

К числу актуальных проблем изучения динамики языка относится и вопрос об универбации. Как отмечает Г. П. Нещименко (Нещименко 2003: 292), универбация отождествляется с тенденцией языковой экономии вообще, но наряду с этим может представлять собой комплексное обозначение универбов различного строения и генезиса.

Универбация в концепции М. Докулила и А. В. Исаченко интерпретируется как одно из проявлений более широкого понятия конденсации. Перевод расчленённых единиц наименования в нерасчленённые рассматривался с позиций словообразования, лексики, синтаксиса, теории номинации¹.

В лингвистике существует точка зрения, согласно которой любое производное является результатом стяжения синтаксической структуры (Сахарный 1974: 10). Однако большинство лингвистов универбом считает только те дериваты, которые образованы на базе устойчивых атрибутивных словосочетаний. Подвергаются сжатию прежде всего устойчивые словосочетания, на базе которых образуются производные различных частей речи. Однако наиболее продуктивной является суффиксальная трансформация атрибутивных словосочетаний типа «прилагательное + существительное», в результате которой образуются имена существительные: бинарный снаряд → *бинар*, грунтовая дорога → *грунтовка*, самоцветные камни → *самоцветы*. Субстантивные производные, являясь частным случаем сжатия словосочетания, называются суффиксальными универбами, а процесс их образования – суффиксальной универбацией².

Как пишет Г. П. Нещименко, «в славянских языках наиболее распространёнными являются универбы суффиксального

1 См. работы В. Н. Виноградовой, А. Ф. Журавлёва, Е. А. Земской, Л. А. Кудрявцевой, В. В. Лопатина, Л. Н. Мурзина, В. М. Никитевича, А. А. Тараненко, Т. А. Тулиной, И. А. Устименко, Д. Н. Шмелёва, Н. А. Янко-Триницкой и др.

2 В русистике это направление активно разрабатывается в исследованиях Г. П. Нещименко, Л. И. Осиповой, Е. Н. Сидоренко, Т. С. Соколовской, И. А. Устименко; в украинском языке – в работах В. В. Грещука, А. Н. Нелюбы, Н. Ф. Клименко).

(деривационного) типа. Впрочем, в тех случаях, когда мультиверб имеет более сложную структуру, чем «прилагательное + существительное», в нём вычленяется некоторое опорное слово (зачастую также определение), которое и используется в качестве производящей основы» (Нещименко 2003: 294). Иное понимание суффиксальной универбации как формообразования представлено в работах Н. В. Дьячок. Исследователь, опираясь на работы В. И. Теркулова, рассматривает суффиксальные единицы как универбализованные эквиваленты словосочетаний. Каждая конкретная единица определяется как номинатема типа «словосочетание + универб» (Дьячок, 2007). Такой подход к суффиксальной универбации обоснован в результате введения в лингвистический оборот номинатемы как абстрактной единицы (Теркулов, 2007). В то же время в языке наблюдается не только сжатие словосочетания в универб, но и «развертывание» его в виде составного слова. В результате универб употребляется с эксплицированным родовым уточнителем, занимающим, как правило, препозицию: *технолог-шампанист* ← специалист по технологии шампанских вин (НРЛ-91) (ср. *шампанист* ← специалист в области производства шампанских вин), *специалист-оползневик* (ср.: *оползневик* ← специалист по оползневым процессам). Такие производные с дублетной семантикой некоторые исследователи называют составными универбами. Появление подобных образований в лингвистике интерпретируется по-разному. Е. А. Земская относит единицы типа *плащ-дождевик*, *дорога-гравийка* к составным словам и отмечает, что «в некоторых случаях обозначение рода предмета может казаться излишним, особенно в обычной речи, ибо без него денотат ясен. Так, очевидно, что *шезлонг* – это кресло, а *ветровка* – это куртка, но газетно-информационная сфера предпочитает составные наименования с уточнителями: *технологические линии по выпуску кресел-шезлонгов*; *красивые молодежные куртки-ветровки* (Земская 2005: 43). А. Э. Смирнова связывает появление составных универбов (сорбентов, по терминологии автора) с явлением омонимии (Смирнова, 2000). В. Н. Виноградова рассматривает появление единиц типа *телеграфисты-«международники»*, *карта-километровка* в качестве необходимого условия на пути закрепления наименования в языке, отмечая при этом, что «возможно, именно

таков первый шаг на пути превращения собственно характеристики в наименование...» (Виноградова 1985: 79). На наш взгляд, образование производных подобного типа связано и с множественностью значений универбов с одной основой, которые соотносятся с разными словосочетаниями и имеют разные значения. Поскольку этот процесс является живым и продуктивным, то необходимость использования родового компонента в составных производных возрастает. Образованию составных универбов предшествуют следующие этапы: а) появляются устойчивые расчленённые наименования с одним стержневым словом (ср. *спасатель поисковой службы, геолог поисковой группы, вертолёт для поисковых работ*), которые б) являются мотивирующей базой для производных субстантивов той или иной словообразовательной структуры, как правило, с формантами *-к(а)* и *-ик* (ср. *поисковик₁, поисковик₂, поисковик₃*); в) наблюдается экспликация родового компонента мотивирующего словосочетания в виде основы составного слова (ср. *спасатель-поисковик, геолог-поисковик, вертолёт-поисковик*, но *поисковик* ← поисковая система компьютера). В результате устраняется многозначность суффиксального универба.

В особую группу входят составные универбы связанного типа, т. е. такие, которые не употребляются без родового слова: *судья-парник* ← судья в состязаниях по парному фигурному катанию (НРЛ-88); *бык-холмогорец* ← бык холмогорской породы. Это явление характерно и для единиц, образованных на базе полупредикативных конструкций: *патентщик-индивидуал* ← лицо, имеющее патент на занятие индивидуальной трудовой деятельностью (НРЛ-88); *историк-хронист* ← историк, изучающий хронику (ср. *хроника₂* ‘события текущей жизни’; *тетерев-берёзовик* ← тетерев, который питается березовыми почками; *химик-реактивщик* ← химик, работающий с реактивами и др. Появление подобных единиц может быть объяснено с точки зрения окказионального смешанного способа словообразования, представляющего собой суффиксацию + сложение, т. е. парный способ, по терминологии И. С. Улукханова (Улукханов, 1996). В отдельных случаях одноимённая с суффиксальным универбом единица существует в языке, но имеет другое значение: *инженер-лазерник* ← инженер по изучению лазерного излучения; *хирург-лазерник* ← специалист по лазерной хирургии (ср. *лазерник* ←

лазерный принтер); *исполнитель-народник* ← исполнитель на народном музыкальном инструменте (ср. *народник* ‘последователь народничества’); *водолаз-глубинник* (НРЛ-86) ← водолаз, специалист по глубинному погружению (ср. *глубинник* ‘глубинный металлоискатель’); *локалист-хирург* (НРЛ-84) ← хирург, специализирующийся на операциях в какой-л. определённой области (ср. *локалист* ‘представитель движения за приоритет местных интересов’).

Проанализированный материал свидетельствует об усложнении современного словопроизводства: образование неолексем сопровождается суффиксальной универбацией, основанной на многокомпонентной мотивирующей синтагме. Взаимодействие сложения и суффиксальной универбации приводит к появлению составных слов универбационного типа.

Литература

- Виноградова В. Н.* Стилистический аспект русского словообразования / В. Н. Виноградова. – М. : Наука, 1985. – 184 с.
- Земская Е. А.* Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : КомКнига. – 2005. – 223 с.
- Нещименко Г.* Тенденция языковой экономии – общие вопросы / Г. Нещименко // Номинация / Словообразование / ред. проф. И. Онхайзер. – Иннсбрук / Ополе, 2003. – С. 285–306.

Словообразовательные характеристики древнеанглийских глаголов со значением ‘строить’

Настоящий доклад посвящен анализу особенностей словообразования древнеанглийских глаголов, объединенных значением ‘строить’, на материале данных словаря Дж. Босворта и Т. Толлера (ВТ).

1. С точки зрения морфологической структуры глаголы, имеющие в древнеанглийский период значение ‘строить’, представляют три основных структурных типа: корневые, производные и сложные.

1.1. К корневым глаголам с данным значением относятся глаголы, состоящие из корневой морфемы и имеющие безаффиксную структуру: *bytlian*, *cræftan*, *ræran*, *settan*, *timbrian*, *wyrscan*.

1.2. Производные глаголы исследуемой группы в древнеанглийском языке представлены двумя разновидностями:

1) глаголы с лексически бесцветным префиксом *ge-* (первичное значение ‘вместе’), являющиеся не отдельными лексическими единицами, а грамматической формой совершенного вида изучаемых глаголов:

gebytlian, *gecræftan*, *gefegan*, *gehladan*, *gelecgan*, *gesettan*, *gestapōlian*, *gestepan*, *getimbrian*, *getrymman*, *gewyrscan*;

2) производные глаголы, представляющие собой сочетание корневых глаголов с префиксами разной семантики, благодаря которым происходит конкретизация базового значения ‘строить’:

- префикс *a-* ‘вовне, наружу, из’: *a-hebban*, *a-ræran*, *a-settan*, *a-stemnian*, *a-timbrian* ‘воздвигать’;
- префикс *ed-* ‘снова, еще раз’: *ed-stabelian* ‘перестраивать’;
- префикс *for-* ‘перед чем-либо, напротив’: *for-timbrian* ‘строить напротив ч.-либо’, в переносном значении ‘загораживать’;
- префикс *sam-* со значением невыполненного действия: *samwyrscan* ‘недостроить’;
- префикс *be-* ‘вокруг, рядом’: *bewyrscan* ‘строить вокруг’, но *be-timbrian* ‘строить, сооружать’ (проявление тенденции к десемантизации).

1.3. В группу сложных глаголов строительства входят глагол *gegrundstapelian* ‘строить на крепком фундаменте’, образованный сложением двух основ – *grund* ‘фундамент’ и *stapelian* ‘строить’, и глаголы с префиксом *ofer-* ‘наверху, высоко, над’, который совпадает с наречием и представляет собой составную часть сложного слова: *ofer-getimbran* ‘строить наверху, сверху’, *ofer-wurcan* ‘строить сверху, на поверхности ч.-л., покрывать’.

2. Словообразовательный анализ глаголов со значением ‘строить’ способствует более глубокому и всестороннему изучению их семантики. В зависимости от наличия лексического значения и его характера префиксы выполняют разные функции. Префиксы, обладающие полноценным лексическим значением, способствуют конкретизации базового значения ‘строить’ за счет дополнительных сем. Подобный семантический процесс наблюдается и у сложных глаголов.

Литература

- Бруннер К.* История английского языка / К. Бруннер. – Пер. с нем. С. Х. Васильева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша : в 2 т. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010 – Т. 2. – 392 с. – (История языков народов Европы).
- Смирницкий А. И.* Древнеанглийский язык / А. И. Смирницкий. – М. : Филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 318 с.
- BT: An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth ; Ed. and Enlarged by T. Northcote Toller* [Электронный ресурс] / J. Bosworth, T. N. Toller. – Режим доступа : http://lexicon.ff.cuni.cz/texts/oe_bosworthtoller_about.html

Номинативный аспект отадъективной словообразовательной парадигмы в английском языке

Этническое самосознание находит отражение как в стереотипе поведения людей, так и в их языке, в котором обнаруживается присущая носителям определенного языка картина мира.

Языковые единицы являются одним из средств представления человеческого знания. Эта информация о предметах и явлениях окружающего мира содержится в языковых значениях в виде «квантов знания», которые могут быть обнаружены на основе анализа словарных дефиниций исследуемых единиц. Такой анализ позволяет увидеть определенную избирательность информации, отраженной в семантической структуре соотносительных слов.

Имя прилагательное составляет не только важный пласт словаря английского языка, но и является источником формирования целого класса отадъективных номинализаций, представляющих собой результат транспонирования исходной адъективной лексемы. При полной транспозиции, которая по своей сути является межкатегориальным словообразованием, происходит создание слов новой части речи.

Субстантивный блок отадъективной словообразовательной транспозиционной парадигмы формируется за счет существительных, являющихся результатом процессов аффиксации и конверсии, посредством которых «достигается ... выражение классификационно идентичных производных значений» (Никитевич 1985: 86).

Анализ семантических структур исходных и производных единиц показывает, что в их семантических пространствах могут обнаруживаться либо отношения соответствия (*eventual – eventuality*), либо количество значений прилагательного превышает набор значений в производном существительном (*inevitable – inevitability*), либо количество значений производного превышает количество значений базового прилагательного (*mobile – mobility*).

Транспонирование адъективной основы приводит к образованию подкласса признаков слов в сфере имени

существительного, которые в грамматическом отношении приобретают общекатегориальное значение результирующей части речи. Такой переход лексемы, сопровождаемый изменением функции вследствие изменения категориальной семантики при условии сохранения логико-предметного содержания, известен как синтаксическая деривация. Возникнув как синтаксический дериват, признаковое существительное сохраняет ту же семантическую, номинативную функцию, что и адъективная основа.

Семантический потенциал субстантивного блока, представленного отвлеченными существительными, формируется за счет двух типов значений: отвлеченного значения, которое тождественно значению исходного прилагательного, и опредмеченного, являющегося производным от первичного отвлеченного значения. Эти транспозиты обладают гибридной семантикой и выступают представителями новой концептуальной структуры. В таких однословных единицах номинации совмещаются разнокатегориальные концептуальные сущности. Эти гибридные единицы (синтаксические дериваты) приобретают характеристики прототипических имен существительных: их грамматическая форма и семантика взаимодействуют таким образом, что дериват обладает типичным для данной части речи значением предметности и становится существительным по сути, т. е. синтаксические дериваты приобретают характеристики полновесного имени существительного.

Абстрактные имена существительные обозначают не материальные предметы, а идеальные объекты, конструкты мысли, которые не вызывают тактильных ощущений. Эти объекты мысли, «идеальные» предметы только в сознании человека благодаря категориальному семантическому компоненту выступают как носители признаков, а по характеру вещественного значения они близки к свойствам, качествам, т. е. обозначают такие признаки, которые в языке репрезентируются признаковыми словами. Хотя нематериальный характер референта и затрудняет переносы значений, языковой материал, тем не менее, дает основания полагать, что внутрисловная деривация имеет место в семантике синтаксических отадъективных дериватов (*ability, weakness, resistance*).

В английском языке обнаруживаются структуры, которые образованы по модели «*the* + прилагательное» и являются обозначением либо группы лиц, характеризующихся по присущему им признаку, либо абстрактного понятия (*the rich, the supernatural*). Анализ эмпирического материала позволяет сделать однозначный вывод, что подобные образования необходимо рассматривать именно как словообразовательный процесс.

Таким образом, область отадъективных номинализаций следует расширить за счет включения в нее (помимо аффиксальных и конверсионных форм) таких образований, в которых транспонирующим элементом выступает элемент *the*.

Литература

Никитевич В. М. Основы номинативной деривации [Текст] / В. М. Никитевич. – Минск : Вышэйшая школа, 1985. – 157 с.

Терминологические двухкомпонентные словосочетания сферы энергосбережения в английском языке

1. Доклад посвящен исследованию двухкомпонентных терминологических словосочетаний (ТС-2) английского языка, относящихся к сфере энергосбережения, напр.: *hybrid lighting* 'гибридное освещение', *solar still* 'солнечный опреснитель', *saturated steam* 'насыщенный пар'.

Двухкомпонентные термины, в состав которых входят название объекта и один из его отличительных признаков, обладают, по мнению ученых, оптимальной содержательной структурой (Лейчик 2007: 43). Такие лексические единицы имеют номинативный характер и атрибутивный вид связи составляющих их элементов, характеризуются устойчивостью и семантической целостностью, обнаруживают тенденцию к превращению в однословное обозначение. (Гринёв-Гриневиц 2008: 136).

Эмпирический материал исследования – 661 ТС-2 – отобран из терминологических словарей К. Дж. Клевеленда и К. Морриса «Dictionary of energy» (2006) и М. Ф. Хордески «Dictionary of energy efficiency technologies» (2004) и составил 55 % от общего количества терминов энергосбережения (1200 ед.).

2. Широкие семантические возможности имени существительного как средства выражения терминируемых понятий объясняет тот факт, что все ТС-2 сферы энергосбережения оказались именными. Были выделены два типа моделей: субстантивно-субстантивный и атрибутивно-субстантивный.

2.1. Модели субстантивно-субстантивного типа оказались продуктивнее (343 термина). Использование существительного (N) в препозиции является типичным для современного английского языка. Распространённость модели N1+N2 определяется способностью двух существительных вступать в соединение, образуя атрибутивное словосочетание для передачи любого семантического задания (Мешков 1985: 93). Схематически субстантивно-субстантивные модели отличаются только наличием или отсутствием предложной связи между компонентами:

1) N1+N2 (341 ед.): *customer class* ‘категория клиентов’ ← *customer* ‘клиент’ + *class* ‘категория’; *blade root* ‘основание лопасти’ ← *blade* ‘основание’ + *root* ‘лопасти’; *fuel cell* ‘топливный элемент’ ← *fuel* ‘топливо’ + *cell* ‘элемент’.

2) N1 prep N2 (2 ед.): *coefficient of haze* ‘коэффициент мутности’ ← *coefficient* ‘коэффициент’ + *haze* ‘мутность’; *run of wind* ‘пробег ветра’ ← *run* ‘пробег’ + *wind* ‘ветер’. Данная модель оказалась непродуктивной, что является общей тенденцией к компрессии современной научно-технической лексики, когда более компактные беспредложные ТС-2 вытесняют предложные формы.

2.2. В ходе анализа выборки обнаружено 318 ТС-2 атрибутивно-субстантивного типа. В функции препозитивного определения выступают в таких словосочетаниях имя прилагательное (Adj), действительное (PI) и страдательное (PII) причастия. В зависимости от определяющего компонента схематически данные модели ТС представлены следующим образом:

1) Adj+N (277 ед.): *top log* ‘вершинное бревно’ ← *top* ‘верхний’ + *log* ‘бревно’; *primary fiber* ‘первичное волокно’ ← *primary* ‘первичный’ + *fiber* ‘волокно’;

2) PII+N (24 ед.): *reflected radiation* ‘отраженное излучение’ ← *reflected* ‘отраженный’ + *radiation* ‘излучение’; *superheated steam* ‘перегретый пар’ ← *superheated* ‘перегретый’ + *steam* ‘пар’;

3) PI+N (17 ед.): *cascading failure* ‘каскадное повреждение’ ← *cascading* ‘каскадный’ + *failure* ‘повреждение’; *remaining resources* ‘остаточные ресурсы’ ← *remaining* ‘остаточный’ + *resources* ‘ресурсы’.

Как видно из примеров выше, самой многочисленной моделью ТС-2 атрибутивно-субстантивного типа является Adj+N. Комбинация прилагательного и существительного является классическим примером атрибутивной связи (определяющего и определяемого) компонентов. Это кваликативный тип отношений между словами, в котором согласовываются признак и предмет реальной действительности. Известно, что среди частей речи именно прилагательное наиболее приспособлено для обозначения признака или качества. В. П. Даниленко (Даниленко 1977: 50) отмечает, что прилагательные, выступая в своей основной функции – функции определения, выражают обычно не качественную характеристику в общепринятом понимании этого слова, а родовидовые отношения между предметами, понятиями,

явлениями. Присоединённое прилагательное-определение выполняет функцию уточнения, ограничения, создавая словосочетания квалификативного значения.

3. Анализ материала позволяет прийти к следующим выводам:

3.1. ТС-2 являются самым распространённым типом терминологических словосочетаний сферы энергосбережения в английском языке.

3.2. Исследуемые ТС-2 представлены двумя типами моделей: субстантивно-субстантивным и атрибутивно-субстантивным.

3.3. По способу соединения их компонентов подавляющее большинство ТС-2 сферы энергосбережения являются беспредложными.

Литература

- Гринёв-Гриневич С. В.* Терминоведение : учеб. пособие для студентов вузов / С. В. Гринёв-Гриневич. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
- Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
- Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
- Мешков О. Д.* Словосложение в современном английском языке / О. Д. Мешков. – М. : Высш. шк., 1985. – 187 с.

Семантическая специфика английских оценочных антропонимов сферы религии

Религия является одним из первичных факторов, определяющих направление и динамику процесса антропонимического словообразования и имянаречения. Она сохраняет свою главную роль на современном этапе развития антропонимикона, поскольку является одним из наиболее популярных мотивов наречения имени.

Данный семантический класс оценочных антропонимов (ОА) насчитывает 265 единиц, что составляет 8,1% от общего количества единиц словарной выборки (3275 ед.). ОА сферы религии представлены католическими, именами пуритан и протестантов. Оценочная маркированность антропонимов этого класса определяется характером межконфессиональных отношений в современной Англии, что обусловлено целым рядом социально-исторических факторов. Несмотря на то, что сама Англиканская Церковь возникла как некий компромисс между католиками и протестантами, а конфессиональная ситуация характеризуется социологами как религиозный плюрализм, наблюдается некая конфронтация между протестантами и католиками. Это объясняется тем, что в свое время последователи Мартина Лютера выступили с протестом против католического правления (Crowder, 2001).

По этимологическим характеристикам большинство католических ОА являются греческими заимствованиями, именами-обращениями к культуре Девы Марии, чем объясняется большое количество имен-эпитетов Девы Марии, например: *Dolores (f)*, *Carmel (f)*, *Regina (f)*, *Candida (f)* (Рыбакин, 1989).

К группе католических имен также отнесены рекомендованные церковью античные антропонимы: *Achilles (m)*, *Apollo (m)*, *Vesta (f)*, *Venus (f)* (Freedman, 1997); имена святых: *Cajetan (m)*, *Chad (m)*, *Peregrine (m)* (Hanks, 1996).

Выделяется также небольшое количество имен, значение которых базируется на метафорическом сочетании основ, например, имя греческого происхождения *Christopher (m)* образовано сложением основ греч. *Khristos* 'Христос' и *pherein* 'носить'. Католики верили в то, что называя таким именем, они передают ребенку бога в сердце. Позже возникла иная интерпретация имени, давшая начало легенде о святом, который

на руках перенес маленького Иисуса через стремительный горный поток (Freedman, 1997).

Во второй половине XVI в. благодаря нововведениям пуритан возникли такие имена, как *Beata* (f) ‘счастливая’, *Desiderius* (m) ‘желанный’, *Renovata* (f) ‘обновленная’, *Donatus* (m) ‘данный’, а также синтаксически сложные *Praise-God* (f, m) ‘молитва – бог’, *Much-Merseye* (f, m) ‘много милости’, *Sin-Denie* (f, m) ‘отбрось грех’, *Fear-Not* (f, m) ‘не бойся’, *The-Lord-Is-Near* (f, m) ‘Господь близок’.

Со временем пуритане прибегли к крайностям, создавая более сложные имена. В 1653 г. убежденный сектант-пуританин придумал себе такое имя: *If-Christ-Had-Not-Died-For-All-You-Should-Have-Been-Damned* (f, m) (Hanks, 1996). Однако следует отметить, что такой способ словообразования в современном английском антропонимиконе не реализуется. Эту тенденцию можно сравнить с антропонимическим творчеством, возникшим в России в двадцатые годы (Рылов 2006: 21-23).

В связи со значительным преимуществом сторонников протестантской веры слой традиционных протестантских имен характеризуется положительной оценкой (190 ОА, 71,7 % от числа класса и 5,9 % от общего количества положительно-оценочных единиц выборки), а единицы католического и пуританского имятворчества вызывают в сознании англичан в основном негативные ассоциации, поэтому являются негативно-оценочными (75 ОА, 28,3 % и 2,8 % от общего объема негативно-оценочных единиц выборки).

Литература

- Рыбакин А. И.* Словарь английских личных имен / А. И. Рыбакин. – М. : Русский язык, 1989. – 221 с.
- Рылов Ю. А.* Имена собственные в европейских языках : романская и русская антропонимика / Ю. А. Рылов. – М. : АСТ, Восток – Запад, 2006. – 320 с.
- Crowder J.* Guide to British and American Culture / J. Crowder. – Oxford : University Press, 2001. – 596 p.
- Freedman T.* The Wordsworth Dictionary of First Names / T. Freedman, I. Maclead. – Herefordshire : Wordsworth Editions LTD, 1997. – 254 p.
- Hanks P.* A Dictionary of First Names / P. Hanks, F. Hodges. – Oxford, N. Y. : Oxford University Press, 1996. – 444 p.

Лексические особенности терминообразования
в области энергетики:
на материале английского языка

В докладе, на материале английских терминов, рассматриваются лексические особенности терминообразования в области энергетики.

Существуют разные точки зрения на определение сущности и природы термина. В основе термина лежит научная дефиниция. Так, А. А. Реформатский определяет термины «как однозначные слова, лишённые экспрессивности» (Реформатский: 1961). По мнению М. М. Глушко, «термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» (Глушко, 1975).

В терминообразовании, с точки зрения В. П. Даниленко, наиболее продуктивными являются синтаксический, морфологический и семантический способы их создания (Даниленко, 1976).

В данном докладе особое внимание уделяется синтаксическому и морфологическому способам образования терминов в области энергетики.

Энергетическая терминология постоянно пополняется новыми терминами и терминологическими словосочетаниями ввиду того, что энергетическая отрасль является высокоразвитой областью, охватывающей широкий спектр исследований по разным аспектам.

В число наиболее продуктивных способов образования терминов в области энергетики входит синтаксический способ.

В английской энергетической терминологии имеется большое количество терминов, состоящих из нескольких компонентов. При этом наиболее продуктивными являются следующие модели терминологических словосочетаний:

1. $n + n / n + n + n / n + n + n + n$, т. е. модель терминологического словосочетания, состоящего из двух, трех или четырех существительных (N). Примеры:

gravitation force ‘сила гравитации’, *cathode ray tube* ‘электронно-лучевая трубка’, *crystal growth method* – ‘метод выращивания кристаллов’, *power station basis regime* ‘базисный режим электростанции’.

2. $a + n (+ n + n)$: модель терминологического словосочетания, состоящего из прилагательного (A) и одного или нескольких существительных (N). Примеры:

magnetomotive force ‘магнитодвижущая сила’, *energetical system power balance* ‘баланс мощности энергосистемы’.

3. $p + n (+ n)$: модель терминологического словосочетания, состоящего из причастия (P) и одного или нескольких существительных (N). Примеры:

alternating current ‘переменный ток’, *switching device recovery* ‘возврат коммутационного аппарата’.

4. Модель терминологического словосочетания, состоящего из комбинации трех частей речи в разной последовательности:

• наречия, причастия / прилагательного и существительного ($adv. + p / a + n$). Примеры:

directly heated cathode ‘катод прямого накала’, *highly redundant hologram* ‘голограмма с высокой избыточностью’;

• причастия, прилагательного, существительного ($p + a + n$).
Пример:

discentralized electrical supply ‘децентрализованное электроснабжение’, *united energetic system* ‘единая энергосистема’;

• существительного, прилагательного, существительного ($n + a + n$). Примеры:

transformer accidental regime – ‘аварийный режим трансформатора’,
transformer secondary winding ‘вторичная обмотка трансформатора’;

• существительного, причастия, существительного ($n + p + n$).
Пример: *safety isolating transformer* ‘безопасный разделительный трансформатор’.

5. Терминологические словосочетания, включающие инфинитив. Пример: *ready-to-assemble product* ‘изделие, готовое к сборке’.

Морфологический способ терминообразования является не менее важным и продуктивным при образовании энергетической терминологии. Одним из наиболее активных является суффиксация, при этом наибольшую продуктивность обнаруживают такие форманты:

-tion /-sion со значением действия, условия или результата действия, процесса:

induction ‘индукция’, *acceleration* ‘ускорение’, *conversion* ‘преобразование’, *power-station* ‘электростанция’;

-ing со значением признака предмета по действию:

alternating ‘чередование’, *winding* ‘обмотка’, *measuring* ‘измерение’;

-er/or/ar – для образования существительных, обозначающих профессию, род занятий, документ, предмет и содержание:

circuit-breaker ‘выключатель’, *conductor* ‘проводник’, *transformer* ‘трансформатор’, *consumer* ‘абонент энергоснабжающей организации’.

-ment:

adjustment ‘регулировка’, *equipment* ‘оборудование’, *instrument* ‘прибор’.

Таким образом, изучение путей пополнения энергетической терминологии позволяет определить универсальные способы терминообразования.

Литература

- Английский язык для инженеров / Т. Ю. Полякова, Е. В. Синявская, О. И. Тынкова, Э. С. Уланова. – М.: Высшая школа, 2003.
- Глушко М.М. Учебное пособие по переводу научной литературы по экономической и физической географии. – М.: Изд-во МГУ, 1975.
- Гореликова С.Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке // Вестник ОГУ. – 2002. – №6.
- Даниленко В.П. Лексика языка науки. Терминология: Диссертация на соиск. уч. степени доктора филол. наук. – М., 1976.
- Технический перевод в повседневной жизни: Учебное пособие для студентов инженерно-технических специальностей / Авт.-сост.: М.Н.

Макеева, С.В. Начерная, О.В. Чуксина. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. – 160 с.

Манцаева А.Н. Внутренние ресурсы образования лингвистических терминов. Вестник Ставропольского государственного университета. Филологические науки. – Ставрополь, 2008.

Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. // Вопросы терминологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Структурно-семантические особенности английских номинативных фразем с градосемой *a lot*

1. В настоящее время проблема изучения категории градуальности и средств ее выражения в языке приобретает все большую актуальность, о чем свидетельствуют многочисленные исследования. Интерес к данной проблеме объясняется тем, что семантическая категория градуальности является одним из универсальных способов отражения знаний о мере, степени, интенсивности и оценке объекта и находит свое отражение на разных уровнях языка. Одним из перспективных направлений представляется исследование фразеологических единиц с градуальной семантикой.

Серьезную проблему при изучении категории градации во фразеологии представляют критерии отбора фразеологических единиц (ФЕ) с градуальной семантикой. Безусловно ФЕ с градуальной семантикой должны содержать указание на признак способный к градуированию. Однако еще Э. Сепир писал, что «каждое исчисляемое, будь то предмет или действие, качество предмета или действия, по природе своей поддается градуированию» (Сепир 1985: 45). Следовательно, помимо градуируемого признака необходимо также наличие градуатора, т. е. (де)интенсификатора, квантифицирующего данный признак и являющегося показателем имплицитной или эксплицитной градации. Если в семантике ФЕ зафиксирован градуатор, который указывает, например, на большое количество признака, такая ФЕ может считаться средством выражения категории градации. Градуатор, выражающий большое количество признака, может быть представлен квантификатором *a lot* и его синонимами: *lots, much, many, (a) large number/amount, a great/good deal of*. ФЕ с этими градуаторами являются примером имплицитного градуирования, т. е. градуирования, которое «рассматривается как завершенное, а не происходящее прямо сейчас» (Сепир 1985: 45-46). Так, в *to a fault* со значением ‘so much of a good quality, such as honesty or kindness, that it can cause problems’ градосема *much* указывает на количество признака больше нормы, больше чем

желательно, а ФЕ является средством выражения имплицитной градации.

Таким образом, целью данного исследования является анализ структурно-семантических особенностей номинативных ФЕ с градосемой *a lot* (или ее синонимами). Объектом исследования послужили 130 номинативных фразем английского языка, т. е. единиц, обозначающих предметы, действия, состояния, явления и качества, со структурой словосочетания, имеющих градосему большого количества, отобранные путем сплошной выборки из специализированного словаря Longman Idioms Dictionary. Предметом изучения являются структурно-семантические особенности номинативных ФЕ с градосемой *a lot*.

2. В корпусе выборки присутствуют все структурные типы, выделяемые А. В. Куниным в предложенной им структурной классификации номинативных фразем, а именно: глагольные (90 единиц = 69 %), субстантивные (26 ед. = 20 %), адвербиальные (8 ед. = 6 %) и адъективные (6 ед. = 5 %). Самым продуктивным структурным типом являются глагольные фраземы, а наименее продуктивным – адъективные.

2.1. Самый многочисленный тип глагольных фразем, выражающих имплицитную градацию, характеризуется наличием большого количества моделей образования. Наиболее продуктивными моделями являются Verb + (Pronoun/Adjective) + Noun, напр.: *get a bad press* ‘иметь негативные отзывы в прессе’; Verb + (Pronoun) + Noun + Preposition + Noun, напр.: *have your head in the clouds* ‘витать в облаках’; Verb + Preposition + Noun, напр.: *jump on the bandwagon* ‘примкнуть к победителям’ и компаративные глагольные фраземы, напр.: *do sth like it's going out of fashion* ‘делать что-то поспешно’, *use (sb) as a punchbag* ‘использовать как грушу для битья’. В целом для глагольных фразем, выражающих имплицитную градацию, характерны распространенные модели образования, с многочисленными компонентами, усложняющими их структуру. Анализ семантики глагольных ФЕ реализуется в первую очередь путем деления фразем на те, которые обозначают действия (54 ед.), и те, которые обозначают состояния (23 ед.).

В первом семантическом подклассе глагольные фраземы могут выражать действия, направленные или указывающие на достижение успеха (*make out like a bandit* ‘сорвать куш’); неудачи

(*lose your shirt* ‘потерять последнее’); действия, направленные на изменение эмоционального состояния адресата (*knock sb's socks off* ‘заставить обалдеть, поразить’); социально-направленные действия, к которым относятся такие ФЕ как *play the field* ‘активно искать свою половинку’; действия, провоцирующие общественное порицание (*drink like a fish* ‘беспробудно пьянствовать’).

Второй класс глагольных ФЕ также можно разделить на ФЕ, обозначающие эмоциональное состояние (*be laughing all the way to the bank* ‘быть счастливым от того, что удалось заработать деньги необычным способом’); материальное положение (*have a good thing going* ‘неплохо устроиться, найти золотую жилу’) и социальный статус (*carry weight* ‘иметь большое влияние’).

Градосема *a lot* в глагольных фраземах может указывать как на интенсивность действия, напр.: *use sb as a punchbag* ‘to hit someone a lot’, так и на количество признака, характеризующего действие, напр.: *make a splash* ‘to do sth that makes a lot of people notice you’, т. е. может относиться к ядру или периферии семантической структуры фраземы.

2.2. Субстантивные фраземы с градуальной семантикой большого количества признака являются второй по количеству группой номинативных фразем. Наиболее продуктивными являются модели Adjective + Noun (14 случаев, напр.: *an old hand* ‘опытный человек’) и Noun + Preposition + Noun, продуктивная для 7 фразем, напр.: *the calm before the storm* ‘затишье перед бурей’. Такие модели как Noun + Noun, Adjective + Noun + Noun, Noun + Verb + Noun Adjective + Preposition + Adjective + Noun встречаются в единичных случаях.

По семантическому признаку субстантивные фраземы можно разделить на два класса: ФЕ, обозначающие конкретные понятия (8 единиц) и абстрактные явления (18 ФЕ). В свою очередь, среди ФЕ, обозначающих конкретные понятия, можно выделить два подкласса: люди и места. Подкласс «люди» включает в себя 6 ФЕ (*sb's partner in crime* ‘сообщник’, *a man of the world* ‘умудрённый опытом человек’), а подкласс «места» – всего 2 ФЕ (*an Alladin's cave* ‘пещера Алладина’, *a melting pot* ‘место смешения разных народов, культур, идей и т. д.'). В группе ФЕ, обозначающих абстрактные понятия, можно выделить подклассы ФЕ обозначающих деньги (*a golden handshake* ‘компенсация за

отставку (уходящему на пенсию руководителю)’) – 5 ед.; трудности (*a hot potato* ‘неприятный вопрос’) – 5 ед.; время (*sb’s salad days* ‘зеленая юность’) – 3 ед. и 5 ФЕ, которые не относятся ни к одному подклассу. В субстантивных ФЕ градосема *a lot* может давать количественную характеристику объекта (*the silent majority* ‘the large number of people in society who do not make their political opinions known publicly’) или признака, описывающего объект (*an old hand* ‘someone who has a lot of experience’).

2.3. Адвербиальные фраземы составляют более малочисленную структурную подгруппу. Почти все ФЕ, относящиеся к ней, образованы по моделям Preposition + Noun (6 ед., напр.: *in spades* ‘с лихвой, сторицей, в высшей степени’) или включать также прилагательное, как в модели Preposition + Adjective + Noun (4 ед., напр.: *at full tilt* ‘изо всех сил, полным ходом, на полной скорости’). Встречаются также единичные примеры моделей Adjective + Adverb (*thick and fast* ‘быстро, стремительно’); Adjective + Noun + Adverb (*full steam ahead* ‘на полной скорости’) и компаративная фразема *like crazy* ‘безумно, бешено’.

Рассматривая семантические группы адвербиальных фразем с градосемой большого количества можно выделить ФЕ образа действия (8 ед.); количественные ФЕ, указывающие на интенсивность действия и употребляющиеся в качестве интенсификаторов, а также одну адвербиальную фразему места, *off the beaten track* ‘вдали от проторенных путей’. Примером ФЕ образа действия может служить фразема *at a price* ‘не бесплатно’, а количественных адвербиальных фразем – *in a big way* ‘крупно, сильно’. В адвербиальных фраземах роль градосемы может сводиться как к указанию количества признака, характеризующего действие (*at full tilt* ‘very fast or with lots of energy’); интенсивности действия (*in stitches* ‘laughing a lot’), так и передавать значение интенсификатора (*in a big way* в значении ‘a lot’).

2.4. Адъективные фраземы, несмотря на свою малочисленность, образованы по разным моделям – Adjective + Preposition + Noun (*full of beans* ‘полный жизни, энергичный’) и Preposition + Noun (*under the influence* ‘в состоянии опьянения, пьяный’) и выражают эмоциональное и физическое состояние человека соответственно. В обоих случаях градосема *a lot* служит

для указания на количество ядерного признака (количество энергии, выпитого алкоголя и т. д.).

3. Анализ отобранного материала показал, что из четырех структурных типов английских номинативных фразем с градусемой *a lot* глагольные ФЕ являются наиболее многочисленными и характеризуются самым большим разнообразием моделей образования. Субстантивные и адвербиальные фраземы представлены значительно меньшим количеством моделей, часть из которых выявлена в единичных случаях. Незначительное количество адъективных фразем может объясняться тем, что наиболее крупный разряд адъективных фразеологизмов составляют компаративные ФЕ, которые содержат в своей структуре компаративный оборот *as + Adj. + as + N* и не попали в корпус выборки в силу отсутствия градосемы *a lot* в их семантической структуре.

Глагольные фраземы могут передавать значения действия или состояния объекта. Наиболее многочисленными являются ФЕ, обозначающие социально-значимые действия / состояния, относящиеся к таким сферам как: успех, неудача, социальный статус, материальное положение и т. д. Большинство субстантивных фразем относится к сфере абстрактных понятий, среди которых наиболее распространенными семантическими подклассами являются «деньги», «трудности», «время». Адвербиальные фраземы обычно описывают образ действия или являются фразеологическими интенсификаторами, а адъективные выражают эмоциональное или физическое состояние человека.

Литература

Сепир Э. Градуирование : Семантическое исследование / Э. Сепир // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 43–78.

Субституція компонентів фразеологічних одиниць як особливий різновид творчої модифікації у сучасній англійській мові

1. Доповідь присвячено трансформаціям фразеологічних одиниць у художніх творах. Внаслідок аналізу емпіричного матеріалу виявлено, що субституція компонентів є частотним видом фразеологічних трансформацій. Водночас слід відзначити творчий потенціал подібних заміни: несподівана заміна одного з компонентів клішованого, звичного виразу може виконувати функцію ефективного інформаційного сигналу.

Субституція компонентів фразеологічних одиниць (ФО) розглядається як особливий різновид творчої модифікації ФО мовцем, який прагне певного ефекту і намагається привернути увагу адресата до оновленого значення клішованого виразу (Cowie 1998: 15). Цей різновид трансформації може поширюватися на будь-який компонент ФО, якщо цього вимагає комунікативне завдання (Волосевич 1989: 5). Крім того, субституції може зазнавати один (моносубституція) або декілька компонентів ФО (полісубституція). Розглянемо цю групу фразеологічних трансформацій більш детально.

2. Аналіз матеріалу свідчить про досить численні випадки заміни одного компонента ФО, причому може мати місце субституція як повнозначного, так і неповнозначного компонента у її складі. Заміна повнозначного компонента ФО становить особливий інтерес, тому що елемент-замінник може вступати в різноманітні смислові відношення в контексті художнього твору.

Моносубституція відзначається особливою експресивністю семантичних зрушень у ФО, а також лексичною різноманітністю компонентів-замінників (Волосевич 1989: 4). Семантичною суттю заміни є те, що її результат визначається складною взаємодією структурно-семантичних особливостей базової ФО, семантики слова-замінника та контекста. Напр.:

And Moggie Reily was still there on his horse, without his feet in the stirrups, but still trying to make up for lost ground, still trying to catch the five or six runners ahead, but with no hope of winning (Francis Field 1985: 286).

У ФО *to make up for the lost time* ‘наздоганяти втрачений час’ спостерігається заміна компонента *time* на компонент *ground*, що спричиняє значне семантичне зрушення, оскільки компонент, що замінюється, та слово-замінник належать до різних семантичних груп. Слово-субститут може бути антонімічним по відношенню до компонента, що замінюється. Наведений приклад свідчить про вагомість подібних трансформацій для актуалізації смислових зв’язків широкого контексту.

3. Випадки заміни декількох компонентів ФО мають суто оказіональний характер, вони детерміновані здебільшого комунікативною ситуацією і вираженими емоційними характеристиками. Так, ФО *to wear one’s heart on one’s sleeve* ‘не приховувати своїх почуттів, бути відвертим’ реалізована в тексті шляхом антонімічної заміни адвербіальної частини ФО, вираженої двома повнозначними словами з прийменником:

He was used to wordy women, glib gals who wore their heart under chain mail, girls to whom a roll between the sheets meant no more than a lap around a reservoir (McAllister 1996: 50).

Цікаво відзначити стилістичну співвіднесеність заміненого компонента *on one’s sleeve* та фрази-замінника *under chain mail*: денотатами в обох фразах є архаїчні реалії. Очевидно, що подібна заміна також не призводить до руйнування базової ФО, створюючи фразеологічний образ, онтологічний базовому: ‘відвертість почуттів’ – ‘прихованість почуттів’. Можна констатувати, що виразний ефект субституції в цьому випадку підкреслює посилення на архаїчні реалії, хоча йдеться про практичних, позбавлених сентиментів і романтизму жінок сучасної доби. Аналізуючи асиметричність ФО як знаку О. В. Кунін (Кунін 1988: 107) відзначає, що фразеологічні інновації типу заміни компонентів свідчать про розширення комунікативних можливостей ФО та можливість пристосування до конкретної ситуації, причому семантичні зміни, що виникають внаслідок подібних перетворень, завжди зберігають зв’язок з вихідним значенням фразеологізму.

Вивчення матеріалу свідчить про те, що ФО з розширенням і скороченням компонентного складу, а також із заміною компонентів становлять значну більшість усього корпусу аналізованих трансформованих ФО. Найвищу варіативність виявили номінативні та номінативно-комунікативні фразеологічні

одиниці, найменш частотними щодо семантичних трансформацій
постали вигуківі ФО.

Література

- Волосевич С. П.* Замена компонентов фразеологических единиц в аспекте номинации и коммуникации (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. П. Волосевич. – М., 1989. – 25 с.
- Кунин А. В.* Ассиметрия в сфере фразеологии / А. В. Кунин // Вопросы языкознания. – 1988. – № 3. – С. 98–107.
- Cowie A. P.* Introduction / A. P. Cowie // *Phraseology. Theory, Analysis and Applications.* Oxford : Clarendon Press, 1998. – 258 p.

О роли ассоциативных связей в лексическом наполнении экстразоны концептов

Вербализация смыслов концепта – сложный и многосторонний процесс, находящийся в центре внимания современных лингвистических исследований. Лингвоконцептологическое описание любого концепта предполагает описание его макроструктуры, категориальной структуры, а также полевой организации.

Необходимость детального анализа такого сложного ментального образования как концепт породила различные подходы к интерпретации его структуры. Одним из них является предложенное Г. Г. Слышкиным вычленение в структуре концепта интразоны – признаков концепта, отражающих собственные признаки денотата, и экстразоны – признаков, извлекаемых из паремий и переносных значений (Слышкин, 2004). Исследование экстразон концептов является чрезвычайно интересным и познавательным с т. з. выявления новых средств их вербализации, основанных, главным образом, на вторичных значениях лексем, номинирующих данные концепты. В свою очередь, обращение к вторичным значениям лексем, номинирующим концепты, позволяет выявить ассоциативные связи, активно участвующие в процессе номинации, исследовать данное явление как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте. К примеру, ассоциативные связи, прослеживаемые в значениях лексем, принадлежащих к словообразовательному гнезду с корнем *-бол- (-бал)-* словаря В. И. Даля, которые можно сформулировать так:

Горе, тоска: Чувство горя, страданий душевных. Очень, весьма: Девка *больно* пригожа. Заботиться, сочувствовать: Добрый начальник *болеет* о всех. Милый, любимый: *Болезный вост.* сердечный, милый, желанный, жадобный, кого люблю, по ком сердце болит. Жалкий, несчастный: *болезному* (или несчастному, т. е. наказанному преступнику) милость творить – с Господом Богом говорить. Милосердный: *Болезка, болява, болечка* – то же, что *болезный*, во всех значениях. Притворство (обман): *больнушитъ, болявиться* и др. отражены и в современных лексикографических источниках: Беспокойство, волнение, горе, нравственные страдания: Душа *болит*; *больные* воспоминания, чужая *боль*, *боль* разлуки, задеть за *больную* струну; *больное* (сущ.) – *задевать за больное*. Заботиться, тревожиться, переживать: *болеть* душой за

детей, за порученное дело, *болевой* – о чем-то актуальном, злободневном. Очень: *больно* хитер и т. п.

Появились и новые значения:

Трудности (возникающие при становлении, освоении ч.-л. нового): *болезни* роста. Неестественный, ненормальный, чрезмерный: *болезненное/больное* самолюбие, *нездоровый* ажиотаж, *болезненно* переживать неудачу. Очень близко, хорошо: знакомо *до боли*. Назревший, но трудноразрешимый: *больной* вопрос. Виноватый: валить с *больной* головы на здоровую. Вредно: спать в одежде *нездорово*. Уязвимый: ФЕ *больное место*. Разрушение, подверженность порче, повреждение ч.-л.: *болезни* камня, бумаги, *больные* картины. Отклонение от нормы в ч.-л., отрицательное качество, свойство: *звездная болезнь*.

Современная английская лексикография также отражает подобные ассоциации: к примеру, *disease* имеет переносное значение ‘любое вредное или разрушительное состояние’, например, общества.

Устаревшее значение *illness* – ‘злобность’, хотя и не указано как переносное, отражает, на наш взгляд, ассоциацию болезни со злом, причиняющим нравственные страдания, прослеживаемую в значении *ill* ‘причиняющий боль’ (*ill fortune*).

Еще одно значение этой лексемы – ‘несоответствующий правилу, традиции, желаемому’ (т. е. нарушение нормы в чем-либо), как в *ill breeding*. Значение *ill* – ‘то, что вызывает беспокойство, боль, несчастье’ – вызывает ассоциацию с русск. *вредно*, а также с *gore* (однако уже не с чувством, испытываемым человеком, а с его причиной).

Прилагательное *sick* может также употребляться в значении ‘испытывающий отвращение, раздосадованный’ или ‘пресыщенный, уставший, пресытиться’ как в выражениях *sick and tired* и *sick of waiting*.

Существуют также ассоциации с нетерпением, ностальгией, тоской: *sick for the hills*, *sick at heart*, бледностью, слабостью (о цвете, свете) и жестокостью: *sick joke*.

Ассоциации с вредом дают прилагательные *unhealthy* и *sickly* (напр.: *unhealthy/sickly climate*); последнее имеет также значение ‘сентиментальный, слащавый’; *unhealthy* может соотноситься с вредом для морали и характера.

Разрушение, подверженность порче, повреждение ч.-л. также ассоциируется с *sick* (в аграрном секторе – *a sick field*), где признаки ‘слабость’, ‘болезнь’ выступают источником метафоры в словосочетании *wheatsick soil* ‘почва, дающая плохие урожаи

пшеницы'. Прилагательное *unhealthy* (в разговоре военных, например, в словосочетании *an unhealthy situation*) отражает ассоциацию с опасностью, риском.

Как видим, переносные значения лексем, номинирующих болезнь в сопоставляемых языках, во многом совпадают, в то же время русские и английские ассоциаты (РА и АА), имеющие отношение к сходным денотатам, могут различаться:

Отклонение от нормы:

РА: а) чрезмерность: *нездоровый* ажиотаж, знакомо *до боли*, *больно* хитер; б) временность: *болезни роста*, *болезнь века*, *времени* и т. п.; в) отрицательное качество ч.-л.: неправильный (несоответствие правилу, традиции, морали): *нездоровые отношения*; г) отрицательное качество человека: зазнавшийся: *звездная болезнь*; виноватый: *валить с больной головы на здоровую*; надоедливый: *бельмо в глазу*.

АА: а) отрицательное качество ч.-л.: неправильный (несоответствие правилу, традиции, морали): *sick joke*; *ill breeding*; б) отрицательное качество человека: сентиментальный, слащавый – *sickly*; надоедливый, нудный – *pain in the neck*, *sickener* (школьн. жаргон. 'зануда'); вызывающий отвращение: *a pain in the ass* 'тошнотворный тип';

Нарушение целостности, однородности и т. п. ч.-л.:

РА: испорченный: *болезни камня*; АА: испорченный (зараженный): *a sick field*.

Нарушение способности к эффективному функционированию:

РА: общество/коллектив: *нездоровый коллектив*; АА: общество: *disease of society*; сельское хозяйство: *wheatsick soil*.

Вред:

РА: окружающая среда: *нездоровый климат*; поведение человека: спать в одежде *нездорово*. АА: окружающая среда: *unhealthy/sickly climate*; поведение человека: *unhealthy occupation*.

Моральные страдания:

РА: а) тоска, горе: *душа болит*. б) обида, досада: *больно вспомнить*; АА: тоска, горе: *sick at heart*.

Трудность, опасность:

РА: проблема, требующая решения: *больной вопрос*. АА: а) проблема, требующая решения: *sore point*; б) проблема, связанная с опасностью: *on/under pain of smth., an unhealthy situation* (воен. разг.).

Отрицательные эмоции:

РА: *тошнит уже от этих разговоров/людей/вещей* и т.п. АА: *sick and tired*.

Слабость:

РА: уязвимость: *больное место*; АА: недостаток интенсивности: о цвете, свете.

Только в *русской* лингвокультуре: сопереживание, сочувствие (ч.-л. успехам, неудачам):

болеть душой (за детей); *болеть* за свою команду и производное – *болельщик* (спортивный).

Только в *английской* лингвокультуре: усилия, старания:

be at great pains to do something; no pains, no gains.

Все вышеозначенные факты свидетельствуют, на наш взгляд, как об общих свойствах концептуальной структуры, базирующихся на общечеловеческих ценностях, так и о специфических, культурно обусловленных процессах номинации у различных народов.

Литература

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. : 10.02.19 / Слышкин Г. Г. – Волгоград, 2004. – 36 с.

Онимия в идиоматике
немецкоязычных публицистических текстов:
структурно-семантические взаимодействия

Отличительным свойством онимной лексики является способность к семантическим преобразованиям, которая развивается в процессе функционирования в языке и проявляется в речевой практике порой самым неожиданным образом. Способность к преобразованию реализуется наиболее полно в лексико-семантических изменениях, приращениях смыслов, участии в словообразовательных и фразеобразовательных процессах, сопровождающихся переосмыслением значения, расширением семантического спектра онима либо всего апеллятивно-онимного словосочетания.

Актуальное использование онимной лексики в немецкоязычных текстах прессы и публицистики привлекает внимание структурной и семантической переработкой идиом с онимным компонентом (далее ИОК) в контексте целого. В ходе исследования выявлен ряд способов структурно-семантических взаимодействий внутри ИОК:

- Окказиональная фразеологическая деривация с участием онимных средств: *Schnapphahn* ‘разбойник, ‘грабитель’ → *Schnapphans* ← *schnappen* разг. ‘хватать, схватывать’ + *Hans*.

Деривация путем субституции второго компонента композита приводит к обыгрыванию семантики онима, дополняя ее эмотивно-экспрессивной коннотацией ‘вор’, поддерживаемой паронимическим эффектом.

- Окказиональное употребление коннотирующего антропонима в ИОК с трансформированным апеллятивным компонентом: *Otto Normalverbraucher* → *Otto Bildungsverbraucher*.

Субституция первого компонента апеллятивной составляющей ИОК вызывает коннотации с общеизвестным отонимным фразеологизмом, создавая значение ‘среднестатистический обыватель от образования’.

- Синтактико-синтагматическая трансформация ИОК *Eulen nach Athen tragen*.

Warum wir Eulen nach Athen, aber nicht nach Angola tragen dürfen <...>? в контексте статьи приводит к семантическим изменениям путем соединения ряда приемов, в том числе онимной игры.

В результате взаимодействия семантики исходного идиоматического сочетания, включенного в него онима и всего контекста, а также вследствие структурных (лексико-синтагматических, синтаксических) изменений возникают семантические изменения, окказиональные значения и новые коннотации, создаются новые смыслы. При этом семантической и структурной переработке могут подвергаться онимы, идиомы и их контексты.

Филатова Елена Владимировна
Донецкий национальный университет

Авторская делимитация речи

В современной науке вопрос об исходной единице построения и восприятия речи не имеет однозначного решения, ибо решается на разных основах и принципах.

Так как средством номинации является слово, утвердилась мысль, что речь строится из слов. Но слово имеет обобщённое значение, оно называет предмет без указания на его актуальные акцидентные признаки, тогда как в речи всегда представлена *вполне узнаваемая реалья*, признаки которой позволяют выделить её из бесчисленного множества однотипных, и которую невозможно отразить одним словом.

В сознании человека в результате психоречевой реакции на конкретное содержание автоматически возникает в качестве простейшей речевой единицы интонационно единая структурно-смысловая группа слов, отражающая один фрагмент содержания и не имеющая ничего общего с последовательным наращением слов. Существует словесная языковая картина мира и речевая его картина, которая отражает качественно иное его состояние. Речь выступает в роли основного способа формирования и развития у каждого человека его личной системы понятий и представлений о мире. Она – орудие самовыражения и эффективное средство воздействия на других людей. В связи с этим вполне понятен интерес исследователей к проблемам речи. Её изучение выливается в актуальную социальную задачу.

Цель исследования – на основе сопоставительного анализа речи в русском, украинском и английском языках выяснить авторскую структуру минимальных компонентов и тем самым установить истинную единицу восприятия речи. Реальная единица восприятия и есть исходная единица речи.

Существуют две лингвосферы – язык и речь. Значит, существуют и две группы единиц: языковые и речевые. Язык – сфера общих средств. Речь – сфера индивидуальных структур, которые делятся на единицы речепорождения и единицы традиционного оформления речи. Наличие двух форм речи обуславливает выделение трёх видов речевых единиц:

1) единицы устной речи, 2) единицы письменной речи и 3) единицы, свойственные обеим формам речи.

Единицы оформления у звучащей речи – одни, у графической – другие.

Речь составляется из минимальных индивидуально-авторских единиц, на что указывает её делимитация, которая позволяет слушателям одновременно с порождением воспринимать все её исходные компоненты и содержание в целом. Таким образом, звучащая речь – надёжная опора при любом её изучении. При восприятии письменной речи читателю необходимо определить все те речевые компоненты, из которых были составлены структура и содержание текста. Нарастиваемые единицы – это структуры речепорождения, тогда как все остальные речевые единицы (составные, или дискретные) – это структуры традиционного оформления текста. Осознание читателем речепорождающих единиц, их интонации и значения гарантирует ему точное понимание содержания. Речевые структуры выделения, разграничивая мысли, способствуют осознанию читателем делимитации текста и его интонации.

При чётком и последовательном разграничении языка и речи, языковых единиц и речевых, устной речи и письменной, при осознании авторской делимитации речи, можно выяснить, из чего и как порождается устная и письменная её разновидности, а также – как они оформляются. Порождение речи как вид психической деятельности едино, а значит, единица её порождения общая для обеих её форм.

Чтобы выявить истинную единицу построения предложения, необходимо определиться в реальной структуре речи, в её минимальных речевых компонентах. Сделать это на основе только письменной формы трудно, опираться нужно на звучащую речь как природную форму общения. Читая текст, нужно научиться его «слышать». Опираясь на диктофонные записи выступлений на собраниях, заседаниях кафедры, учёного совета, а также на разговорную и диалектную речь, можно прийти к выводу, который сделал Л. В. Щерба при исследовании восточно-лужицкого наречия: речь имеет синтагматическую основу. Она представляет собой цепочку не отдельных слов, а единых лексических комплексов. Это – синтагмы. Синтагма в понимании Л. В. Щербы – «кратчайший отрезок» восприятия речи, а слово – компонент синтагмы. Однако, естественно, речь

составлена из тех единиц, на основе которых она воспринимается. Синтагма – конкретная индивидуально-авторская речевая структура, представляющая собой интонационное, грамматическое и смысловое единство нескольких слов. Это одномерная, недифференцированная речевая единица. В ней единой структуре соответствует один компонент содержания.

Структурные и функциональные параллели подводят к мысли о синтагме как общеречевой единице. К порождению речи слова как отдельные номинативные знаки с обобщённым значением не имеют непосредственного отношения. Слово и предложение соотносятся через синтагму. Рассмотрим пример:

Неприятности того или иного человека, / оказавшегося среди сложных для него проблем, / являются закономерными для людей, / лишённых ответственности и самоконтроля (В. Кондратьев).

В предложении – четыре синтагмы, однокомпонентных среди них нет. Путём их наращения составлены его структура и содержание (S):

1	2	3	4
S =	+	+	+
<i>Неприятности</i>	<i>оказавшегося</i>	<i>являются</i>	<i>лишённых</i>
<i>того или иного</i>	<i>среди сложных</i>	<i>закономерными</i>	<i>ответственности</i>
<i>человека</i>	<i>для него проблем</i>	<i>для людей</i>	<i>и самоконтроля</i>

Подобная картина и в украинской речи:

S =	+	+	+
<i>Неприємності</i>	<i>яка опинилася</i>	<i>є</i>	<i>які позбавлені</i>
<i>тієї чи іншої</i>	<i>серед складних</i>	<i>закономірними</i>	<i>відповідальності</i>
<i>людини</i>	<i>для себе проблем</i>	<i>для людей</i>	<i>та самоконтролю</i>

Такая же ситуация в английской речи:

S =	+	+	+
<i>Troubles</i>	<i>who is</i>	<i>are</i>	<i>deprived of</i>
<i>of one or another</i>	<i>in over</i>	<i>natural</i>	<i>responsibility</i>
<i>man</i>	<i>his head</i>	<i>for people</i>	<i>and self-control</i>

Слова не просто распределены по синтагмам – они закреплены в них и не имеют отношения ни к структуре, ни к содержанию предложения. Они – компоненты своих синтагм. Ни одно из них нельзя оторвать от его синтагмы и перенести в другое место. А уже синтагмы как минимальные речевые единицы с ситуативным значением стали составными частями предложения. Функции слов исчерпываются на уровне синтагмы, в которую они входят. Когниция отдельного слова как единицы языкового кода отражает

его потенциальные возможности, что способствует употреблению его в бесчисленных ситуациях и разных значениях. Эти примеры позволяют сделать несколько выводов:

- речь имеет синтагматическую природу: исходной единицей её порождения и восприятия является не отдельное слово, а синтагма;
- синтагма – минимальная индивидуально-авторская речевая структура;
- адекватное восприятие речи обеспечивается авторской её делимитацией, а правильное понимание текста достигается точным восстановлением его синтагматической структуры и интонации.

Синтагматическая сущность речи – объективная реальность, её осознание способствует формированию и развитию продуцирующих и рецептивных видов речевой деятельности, совершенствованию речевых умений и навыков.

Литература

Филатова Е. В. Авторская делимитация речи как способ представления её реальных исходных единиц / Е. В. Филатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2-х ч. – 2015. – № 10. – Ч. II. – С. 173-176.

Хохлова Виктория Александровна
Донецкий национальный университет

Квазитопоним как компонент английской и украинской топонимической фразеологии

В ономастической системе значимое место принадлежит топонимам – наименованиям разнообразных географических объектов, которые рассматриваются в качестве неотъемлемой части фоновых знаний носителей определенного языка и культуры. В разных языках топонимы фиксируются как компоненты фразеологических единиц (ФЕ). Именно благодаря употреблению топонима – социокультурного онима, отражающего историю, мифологию, традиции того или иного этноса, фразеологические единицы с топонимическим компонентом (ФЕТК) приобретают ярко выраженные национально-культурные коннотации. Среди топонимов можно выделить реально существующие (*Calcutta, Полтава*) и квазитопонимы (*Eldorado, Хранівка*).

В докладе представлены результаты исследования квазитопонима как компонента английской и украинской топонимической фразеологии. Квазитопонимы, т.е. названия вымышленных географических объектов, являются своеобразными потенциальными словами, которые по своему лексическому содержанию и словообразовательной ономастичной модели напоминают топонимы (Фирсова 2002: 63).

Объектом исследования являются фразеологические единицы с топонимическим компонентом в современном английском и украинском языках, его предметом – особенности квазитопонима как компонента ФЕТК и его влияние на формирование национально-маркированного своеобразия ФЕТК в языках сопоставления. При этом основное внимание сосредоточено на выявлении своеобразия квазитопонима как этно-маркированного элемента во фразеологической системе английского и украинского языков.

Материалом исследования послужили 711 ФЕТК английского и 735 – украинского языков, отобранных из фразеологических, толковых, лингвострановедческих, этимологических и энциклопедических словарей.

Квазитопонимы входят в состав многих английских и украинских фразеологических единиц. Такие фразеологизмы возникли в результате расщепления лексемы-мотиватора на два элемента – носителя фразеологического значения и формального грамматического показателя. Искусственно созданные компоненты, являющиеся носителями фразеологического значения, – это своеобразные потенциальные слова, по своему лексическому содержанию и словообразовательной ономастичной модели напоминают топонимы. Внутренняя форма этих фразеологизмов прозрачная благодаря звуковому созвучию стержневых ономастических компонентов и апеллятивов-существительных.

Например, в ФЕТК *the land of Nod* ‘царство сна’ игра слов основана на созвучии английского слова *nod* ‘кивать’ и библейской земли *Nod* – земли забвения, которая известна тем, что именно там, после своего злодеяния – убийства (из зависти) брата Авеля, поселился Каин, ищущий забвения. Значение ФЕТК *valley of Baca* ‘долина плача – символ человеческой жизни’ (букв. ‘долина Бака’), вероятно, связано с существованием арамейского глагола *baccjan* ‘плакать’. Таким образом, становится понятной связь между ‘долиной плача’ и ‘долиной Бака’: ономастический компонент последней является лжеонимом. ФЕТК *on the high-road to Needam* имеет значение ‘на пути к нищете, быть на грани разорения / банкротства’ (букв. ‘на шоссе в Нидам’). Для понимания основного значения данной ФЕТК необходимо привлечь данные страноведческих словарей, которые, к сожалению, не дают какой-либо особой характеристики существовавшей недалеко от города Ипсвича небольшой деревни – *Needham Market*. Это дает основание предположить, что для образно-метафорической реализации значения разорения / банкротства англичане, вероятно, создали топоним *Needham* путем присоединения суффикса *-ham*, закрепившегося в данной ФЕ и представляющего собой дериват существительного *need* ‘нужда, бедность’.

В украинской топонимической фразеологии примерами ФЕ с квазитопонимами могут служить следующие единицы: *Чи ти не з-під Глухова?* ‘быть глухим’, где *Глухов* в сознании украинского лингвосообщества выступает в качестве вымышленного названия деревни, название которой созвучно с лексемой *глухой*; *бути з*

Хамівки ‘быть невоспитанным, нахальным’, где *Хамівка* созвучна слову *хам*. ФЕТК *бувати в Буваличах, видати Видаличі* употребляется в значении ‘быть опытным во многих делах’: *Буваличі* и *Видаличі* – названия вымышленных географических объектов, построенные на игре слов *бывать, видать*. ФЕТК *дати місце в Могильовській губернії* ‘умереть’, где вымышленное название губернии созвучно слову *могила*. ФЕТК *іти до Лежухова* ‘лежать, бездельничать’ образовано от каламбурного созвучия квазитопонима *Лежухов* и имени нарицательного *лежать*.

Результаты данного исследования позволяют сделать следующие выводы: в английских и украинских фразеологизмах употребляются как реально существующие топонимы, так и вымышленные. Следует отметить, что представители определенного лингвособщества являются значимым фактором психоэмоционального восприятия окружающей их действительности. Как результат, восприятие социума, в целом, и индивидуума, в частности, создает определенные коннотации, порождаемые культурой, традициями того или иного территориального комплекса. Это, в свою очередь способствует созданию квазитопонимов, выступающих в качестве емкого образа, комплексно и ярко описывающих вымышленные географические названия. Вымышленные топонимы добавляют определенный колорит в значение ФЕ: даже несмотря на то, что их связь с исходным топонимом фиктивная, они выступают носителями культурно значимой информации, т.к. отражают национально-маркированное отношение представителей того или иного языкового сообщества к определенным концептуальным фрагментам национальной картины мира.

Литература

Фирсова Ю. А. Фразеологічні одиниці з топонімічним компонентом у німецькій мові: лінгвокультурологічний аспект: дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: 10.02.04 «Германські мови» / Ю. А. Фирсова. – К., 2002. – 194 с.

О длине терминологических словосочетаний в авиационной терминологии английского, немецкого и русского языков

Терминологическое словосочетание является одним из широко распространенных способов создания новых терминов в современных научно-технических терминологиях. Базовая часть терминологического словосочетания является общей с другими терминами словообразовательного гнезда, а другая часть (новый компонент) служит отличительной чертой в ряде смежных понятий. Термины-словосочетания часто отражают родовидовые отношения.

Терминологические словосочетания составляют, согласно С. В. Гриневу, от 65 % до 95 % состава различных терминологий европейских языков, «что свидетельствует о преобладании терминологических словосочетаний (составных терминов) над однословными терминами как характерной черты современной терминологии» (Гринева 1993: 141). Составные термины легко расширяют свою словообразовательную структуру при необходимости наименования нового сложного терминологического понятия.

В связи с активным функционированием терминов-словосочетаний в научно-техническом дискурсе изучение терминологических словосочетаний становится актуальным и востребованным. Так, не решен вопрос об оптимальной длине технических терминов-словосочетаний в английском, немецком и русском языках.

Материалом для исследования послужили 750 терминологических словосочетаний (по 250 терминов из каждого языка), полученных путем сплошной выборки из англоязычных, немецкоязычных и русскоязычных авиационных научно-популярных журналов, руководств по техническому обслуживанию самолетов, инструкций по эксплуатации воздушного транспорта.

Длина терминологической единицы носит вариативный характер. Следует разграничивать понятия «многокомпонентный

термин» и «несколькословный термин». Например, двухсловные термины могут быть многокомпонентными, напр.: англ. *short-range aeroplane*, русск. *ближнемагистральный самолет* (здесь двухсловные термины-словосочетания состоят из четырех компонентов). Это явление характерно также для трехсловных и более развернутых терминов. Таким образом, все несколькословные термины можно причислять к многокомпонентным, но обратная зависимость не всегда действительна, не все многокомпонентные термины можно отнести к несколькословным.

Классификация терминологических словосочетаний с точки зрения количества слов позволяет выделить двухсловные (бинарные) термины-словосочетания и многословные терминологические словосочетания, состоящие из трех, четырех и т. д. слов. В предлагаемой работе рассматриваются три самых употребительных типа терминов-словосочетаний по количеству слов: двухсловные, трехсловные и четырехсловные.

Изучение процентного соотношения авиационных терминов-словосочетаний по количеству слов в немецком, английском и русском языках позволяет утверждать о продуктивности двухсловных терминов-словосочетаний в авиационной терминосистеме. В русском языке двухсловные термины-словосочетания составляют 57,2 %, в английском – 73,2 %, в немецком – 88 % от общего количества анализируемых терминов-словосочетаний. Трехсловные термины-словосочетания используются также активно. В русском языке они составляют 33,2 %, в английском – 19,7 %, в немецком языке они менее продуктивны и составляют 10,4 % всех терминов-словосочетаний. Четырехсловные термины представлены в наименьшем количестве: 9,6 % в русском, 7,1 % в английском и 1,6% в немецком языке. В немецком языке многословных терминов меньше, поскольку активно используется способ словосложения.

В ходе анализа было выявлено, что двухсловные термины, как правило, пишутся одинаково как в отраслевых словарях, так и в научно-технической литературе. Например:

англ. *pilotless aeroplane*; нем. *pilotenloses Flugzeug*;
русск. *беспилотный самолет*.

Термин-словосочетание отвечает основным требованиям, предъявляемым к терминам (системности, мотивированности, понятийной ориентации, лингвистической правильности, точности и др.). Точность при этом является одним из главных признаков терминов-словосочетаний, поскольку степень многозначности терминологических словосочетаний уменьшается с увеличением количества его компонентов.

Следует отметить, что немецкие термины-словосочетания нередко имеют синоним в виде сложного термина, причем сложные авиационные термины семантически полностью совпадают с соответствующими словосочетаниями. Например:

*Lageregelung eines Flugkörpers – Flugkörperlageregelung;
Steuerbarkeit des Flugzeug – Flugzeugsteuerbarkeit; ziviles
Unterschallflugzeug – Unterschallzivilflugzeug.*

Относительно длинные терминологические словосочетания не всегда удобны в практическом применении. В целях сокращения архитектурной структуры терминологического словосочетания одним из его составляющих может служить инициальная аббревиатура. Аббревиатуры, как правило, понятны лишь узким специалистам в пределах данной области знания и употребляются ими в профессиональной коммуникации (Кудинова 2011: 60). Так, например, словарный термин «двухпозиционная эффективная поверхность рассеяния» употребляется в научно-популярной и технической литературе как *двухпозиционная ЭПР*; англоязычный термин *air traffic control clearance* используется как *ATC clearance*.

Для английских терминов-словосочетаний наиболее характерно левое развертывание, т. е. препозитивные (зависимые) компоненты располагаются слева по отношению к ядерному слову. Например:

англ. *flight path inclination angle, commercial air transportation system, collective control position, combat air patrol aircraft, cockpit systems simulator*.

Для русскоязычных и немецкоязычных многословных терминов-словосочетаний, наоборот, свойственно правое развертывание. Ср.:

русск. *площадь вертикального оперения, полет при высокой поворотливости, регулирование угла стреловидности крыла,*

нем. *Abnehmerplatte für den statischen Luftdruck, Motor mit direkter Einspritzung, Flügel mit konstantem Profil, Flügel mit stumpfer Hinterkante, Flug in extremer Bodennähe.*

Учитывая изложенное выше, можно сделать вывод, что в современной авиационной терминологии составные термины, из них особенно двухсловные термины-словосочетания, могут быть значительно удобнее в профессиональной коммуникации, чем однословные термины, поскольку позволяют точно раскрыть отношения между отдельными терминологическими понятиями, что подтверждается примерами из авиационной терминологии английского, немецкого и русского языков.

Литература

- Гринев С.В.* Введение в терминоведение. – М. : Московский Лицей, 1993. – 309 с.
- Кудинова, Т.А.* К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подязыка биотехнологий) // Вестник Пермского университета, 2011. – Вып. 2 (14). – С.58–62.

Ягупова Лариса Николаевна
Донецкий национальный университет

О словообразовательной конкуренции: проблемы дефиниции и описания

Тема языковой конкуренции относится к новым направлениям в исследовании словообразования. Хотя еще в 70-е годы XX века данную тему вскользь упоминают германисты Германии (Erben 1973: 11), однако и в начале XXI в. Ш. Штрикер (Stricker 2002: 316) признает, что утверждение В. Фляйшера о том, что отсутствует теоретически обоснованные исследования данного явления (Fleischer 1977: 38), не утратило своей актуальности и в начале XXI века.

Заполнение имеющейся лакуны постепенно происходит в области исторической дериватологии немецкого языка: чаще – за счет простого упоминания конкурирующих производных без углубленного анализа их содержательных, стилистических и функциональных отличий. Речь идет о производных типа средневерхненемецких производных *âkust – unkust – unkusticheit* ‘коварство’ (Ягупова, 2007: 116); *urteil – urteilde* ‘приговор’ (Ring 2008: 142); ранненововерхненемецких – *begeer – begird* ‘вожделение’ (Müller 1993: 419). И лишь редкие работы целиком посвящены анализу конкурирующих лексем, как, например, исследование дериватов типа *Baronin – Baronesse* ‘баронесса’ в языке И. В. Гёте (Stricker 2002: 329).

С очевидностью можно утверждать, что тема словообразовательной конкуренции релевантна и для славянских языков. В любом случае, исследователи связывают явление словообразовательной конкуренции с языковыми изменениями, процессами нормализации в языке, его динамикой (Карпіловська, 2006).

Ключевым в понимании словообразовательной конкуренции становится при этом признание изофункциональности «деривационных формантов, группирующихся у одних и тех же производящих основ» (Нещименко 2009: 11; см. также Erben 1973: 11). Взаимозаменяемость конкурирующих лексем предполагает возможность их употребления на одном – синхронном – срезе, более того – в одно время, возможно, в одном и том же тексте или в параллельных текстах, напр.:

Бокс: Наталья Рагозина лучшая боксерша мира в 2009 году (euro.com.ua).

Кто-то скажет, что победы женщин-боксеров (или боксерок – даже не знаю, как их назвать) наравне с другими спортсменами повышают авторитет страны. ... (viromiro.livejournal.com).

Однако, насколько взаимозаменяемыми должны быть дериваты, чтобы считаться конкурирующими лексемами; существует ли четкое разграничение между словообразовательной синонимией и конкуренцией; во всех ли случаях можно утверждать наверняка, что лексемы с одним и тем же значением – именно конкурирующие образования («конкурирующие формы», «словообразовательные дублиеты» (?) (Peter, 2014: linguistik-online.de)), а не словообразовательные синонимы и т. д.?

Ответить на эти и другие вопросы, касающиеся словообразовательной структуры, функционирования, динамики развития исследуемых лексем, в т. ч. в современном немецком языке, еще предстоит.

Литература

- Карпіловська Є.* Зміни в структурі сучасної української мови та можливості їх моделювання / Євгенія Карпіловська // Українська мова. – 2011. – № 2. – С. 3–18.
- Нещименко Г. П.* Существительные женского рода со значением лица в чешском и русском языке: Тенденции развития // Язык, сознание, коммуникация : Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ Александры Гигорьевны Широковой. М., 2009. – Вып. 38. – С. 10–25.
- Erben J.* Zur Einführung / Johannes Erben // Kühnhold I., Wellmann H. Das Verb / Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache Forschungsstelle Innsbruck. Erster Hauptteil. – Düsseldorf, 1973. – S. 7–14. – (Sprache der Gegenwart ; 29).
- Fleischer W.* Neologismen als Wortbildungssynonyme / Wolfgang Fleischer. Linguistische Arbeitsberichte. – 1977. – H. 18. – S. 37–49.
- Stricker S.* Konkurrenzen im Wortbildungssystem um 1800. Aufgezeigt an der Wortbildung Goethes / Stefanie Stricker // Historische Wortbildung des Deutschen. – Tübingen, 2002. – S. 315–339. – (Reihe Germanistische Linguistik 232).

Авторы

д.ф.н., проф.
Басыров Шамиль Рафаилович
Донецкий национальный университет,
кафедра германской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
alex_.84@mail.ru

д.ф.н., проф.
Бекасова Елена Николаевна
Оренбургский государственный
педагогический университет, кафедра
языкознания и методики преподавания
русского языка
ул. Советская, 19
460019 Оренбург
bekasova@mail.ru

Беспамятная Лилия Владимировна
Севастопольский государственный
университет, кафедра теории и практики
перевода
ул. Университетская, 33
299053 Севастополь
lilya_pavlova23@mail.ru

к.ф.н., доц.
Валеева Людмила Владимировна
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, кафедра
русского, славянского и общего
языкознания
просп. Академика Вернадского, 4
295007 Симферополь
lv_valeeva@mail.ru

к.ф.н., доц.
Волкова Наталья Валериевна
Горловский институт иностранных
языков, кафедра второго иностранного
языка
ул. Рудакова, 25
84626 Горловка
nataliavo@yandex.ru

к.ф.н., доц.
Волкова Татьяна Яковлевна
Астраханский государственный
университет, кафедра английского языка
для гуманитарных специальностей
ул. Татищева, 20а
414056 Астрахань
tatiana.volkova12@gmail.com

к.ф.н., доц.
Воробьева Оксана Сергеевна
Донецкий национальный университет,
кафедра теории и практики перевода
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
oksanka27@yandex.ua

к.ф.н., доц.
Гапотченко Надежда Евгеньевна
Донецкий национальный университет,
кафедра романской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
nadya.gapotchenko@gmail.com

к.ф.н., доц.
Дроздов Владимир Александрович
Донецкий национальный университет,
кафедра теории и практики перевода
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
[drozdov.va1950@gmail.com](mailto:droz dov.va1950@gmail.com)

Жуков Юрий Юрьевич
Горловский институт иностранных
языков, кафедра общего языкознания и
славянских языков
ул. Рудакова, 25
84626 Горловка
zhukov_i_1990@mail.ru

к.ф.н., доц.
Захарова Елена Валерьевна
Ульяновский государственный
педагогический университет имени
И.Н. Ульянова, кафедра русского языка,
литературы и журналистики
пл. 100-летия со дня рождения
В.И. Ленина, 4
432700 Ульяновск
zaharova2007@yandex.ru

д.ф.н., проф.
Калиущенко Владимир Дмитриевич
Донецкий национальный университет,
кафедра германской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
vladimirkaliuscenko@gmail.com

к.п.н., доц.
Каменская Ирина Борисовна
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского,
Евпаторийский институт социальных
наук, кафедра филологических
дисциплин и методик их преподавания
ул. Просмушнинных, 6
297408 Евпатория
kafedra_2010@mail.ru

к.ф.н., доц.
Карасенко Елена Анатольевна
Донецкий национальный университет,
кафедра германской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
elena_karassenko@mail.ru

к.ф.н., доц.
Кишко Светлана Николаевна
Донецкий национальный университет,
кафедра английской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
zolotar66@rambler.ru

Косицкая Алина Геннадьевна
Донецкий национальный университет,
кафедра германской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
alinakositskaya@mail.ru

к.ф.н., доц.
Кухарь Ольга Владимировна
Донецкий национальный университет,
кафедра романской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
kafedra.romanskih@mail.ru

к.ф.н., доц.
Лысова Елена Борисовна
Владимирский государственный
университет им. Н.Г. и А.Г. Столетовых,
кафедра второго иностранного языка и
методики обучения иностранным
языкам
ул. Горького, 87
600000 Владимир
lysovaelena@yandex.ru

д.ф.н., доц.
Нильсен Евгения Александровна
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, кафедра
английского языка и перевода
ул. Садовая, 21
191023 Санкт-Петербург
janenilsen@mail.ru

Овсянникова Кристина Юрьевна
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского,
Евпаторийский институт социальных
наук, кафедра филологических
дисциплин и методик их преподавания
ул. Просмушнинных, 6
297408 Евпатория
kafedra_2010@mail.ru

Осташова Оксана Игоревна
Донецкий национальный университет,
кафедра английской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
ostashovaoksana@mail.ru

Петрищева Елена Игоревна
Донецкий национальный университет,
кафедра германской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
petrischewa-elen@mail.ru

д.ф.н., проф.

Петров Александр Владимирович
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, кафедра
русского, славянского и общего
языкознания
просп. Академика Вернадского, 4
295007 Симферополь
liza_nada@mail.ru

к.ф.н., доц.

Подгайская Ирина Михайловна
Донецкий национальный университет,
кафедра теории и практики перевода
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
i.podgaiskaya@mail.ru

к.ф.н., доц.

Рахуба Валерий Иванович
Брестский государственный
технический университет, кафедра
иностранных языков по экономическим
специальностям
ул. Московская, 267
224017 Брест
virahuba@mail.ru

Синицына Виктория Викторовна
Донецкий национальный университет,
кафедра германской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
Vickie2007@yandex.ru

к.ф.н., доц.

Сысосева Евгения Сергеевна
Донецкий национальный университет,
кафедра английской филологии
Университетская, 24
83001 Донецк
janemail2@rambler.ru

Титова Юлия Владимировна
Ульяновский государственный
технический университет, кафедра
«Иностранные языки»
ул. Северный Венец, 32
432027 Ульяновск
yulekkk777@mail.ru

Ткаченко София Геннадиевна
Донецкий национальный университет,
кафедра английской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
curuxa.sabia@gmail.com

Туболева Анна Александровна
Донецкий национальный университет,
кафедра английского языка для
естественных и гуманитарных
специальностей
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
ann29111@rambler.ru

Туленинова Лариса Владимировна
Луганский государственный
университет имени Тараса Шевченко,
кафедра английской филологии
ул. Оборонная, 2
91011 Луганск
lartul@rambler.ru

к.ф.н., доц.

Усова Нина Васильевна
Донецкий национальный университет,
кафедра германской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
ussovanamen@rambler.ru

к.ф.н., доц.

Филатова Елена Владимировна
Донецкий национальный университет,
кафедра английского языка для
естественных и гуманитарных
специальностей
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
taranushchenko@mail.ru

Хохлова Виктория Александровна
Донецкий национальный университет,
кафедра английской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
niki-primavera@rambler.ru

Хренова Юлия Владимировна
Владимирский государственный
университет им. Н.Г. и А.Г. Столетовых,
кафедра второго иностранного языка и
методики обучения иностранным
языкам
ул. Горького, 87
600000 Владимир
solntze@list.ru

к.ф.н., доц.
Шарафутдинова Насима Саатовна
Ульяновский государственный
технический университет, кафедра
«Иностранные языки»
ул. Северный Венец, 32
432027 Ульяновск
nassima@mail.ru

д.ф.н., проф.
Ягупова Лариса Николаевна
Донецкий национальный университет,
кафедра германской филологии
ул. Университетская, 24
83001 Донецк
l.yagupova@donnu.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Семантика и словообразование в германских, романских и славянских языках

Материалы Международного лингвистического семинара

Языки издания: русский, украинский

Компьютерная верстка, макет обложки: **Л. Н. Ягупова**

Подписано в печать 06.11.2015 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 7.32.
Тираж 100 экз. Заказ № 15-Ноя118.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.